

Frank Lloyd Wright
The Disappearing City

1932

ФРЭНК
ЛЛОИД
РАЙТ
ИСЧЕЗАЮЩИЙ
ГОРОД

STRELKA PRESS

Фрэнк Ллойд Райт

Исчезающий
город

Москва 2016

УДК 72
ББК 85.118
P11

Перевод с английского Анастасия Смирнова,
Петр Фаворов
Редактор Петр Фаворов
Дизайн Дарья Яржамбек, Юрий Остроменцкий
Леттеринг Юрий Остроменцкий (CSTM Fonts)

P11 Райт Ф.Л.
Исчезающий город / Пер. с англ.
М.: Strelka Press, 2016. — 180 с.

ISBN 978-5-906264-63-3

Один из главных архитекторов XX века, Фрэнк Ллойд Райт, построил здания, которые изменили наши представления об архитектуре, однако его идеи были намного амбициознее: он хотел изменить саму суть города — лишить его плотности и центра и рассредоточить на большой территории, в природе. «Исчезающий город» — подробный и страстный манифест этого радикального проекта.

ISBN 978-5-906264-63-3

УДК 72
ББК 85.118

© Frank Lloyd Wright Foundation, Scottsdale,
AZ/Artists Rights Society (ARS), NY, 2015
© Институт медиа, архитектуры и дизайна
«Стрелка», 2016

Оглавление

- 11 О земле
- 16 Первобытные инстинкты
- 21 Внеэкономические основания города
- 26 Жертва борьбы
за приращение капитала
- 28 Эксперимент
- 35 В защиту индивидуальности
- 39 Акрогород
- 44 Перемены
- 47 Бурлящий водоворот,
устроенный властителями
- 51 Силы, разрушающие город
- 54 Новая мера пространства
- 57 Суть движущих сил современности
- 61 Что же на самом деле означает
транспортная проблема
для человека на городской улице
- 71 Новая концепция роскоши
- 73 Какая современная концепция
предлагает выход?
- 80 Современная архитектура
- 84 Архитектор
- 87 Истинное искупление
- 88 Общее представление
об Акрогороде будущего
на основе новой меры пространства
- 97 Архитектура и земельные
наделы как часть ландшафта
- 100 Главные автострады
и второстепенные дороги,
озера и реки

- 103 Великий центральный вокзал
105 Энергетические модули
108 Органичная архитектура
новых зданий
111 Новый масштаб
113 Простота
115 Отрицание как утверждение
119 Как же тогда в общих чертах
будут выглядеть здания Акророда?
119 Жилье для работника
127 Работник на своей земле
129 Пахарь и животновод
136 Децентрализация
и интеграция фабрик
137 Офисы в новом городе
141 Магазин нового типа: торговля
промышленными товарами
144 Техническое обслуживание
автомобилей и самолетов
144 Для тех, кого нынешний город
окончательно искалечил
145 Отель, передвижной отель
и дом кочевника
147 Холостяки
148 Гуманная больница
149 Университет: универсальность
151 Общественный центр
152 Театр
152 Новая церковь
153 Центр дизайна
159 Новая школа: учитель
и его питомцы
6 162 Новый дом в Акророде

- 163 Три слова
- 164 Современный дом
- 166 Пусть все работает
- 167 Новая и органичная простота
- 169 Типичные примеры
- 169 В заключение
- 175 Время пришло
- 178 Эволюция

Исчезающий город

О земле

Понимание ценности нашей земли как унаследованного человечеством дара практически утеряно сегодня жителями тех городов, которые возникли в результате процесса централизации. Ведь именно централизация способствовала чрезмерному переуплотнению всех этих городов. Городское счастье правоверного горожанина состоит в том, чтобы жить в тепле и тесноте в согласии с людскими толпами. Переродившийся в многоглазого Аргуса, зачарованный вечным коловращением, словно дервиш, городской житель чувствует, как голова его идет кругом от суеты и механического рева большого города, которые полнят слух точно так же, как пение птиц, ветер в ветвях, крики животных, голоса и песни любимых когда-то полнили сердце.

В своем положении он только и может, что создавать новые машины из машин, уже существующих.

Правоверный горожанин превратился в маклера, который подвизается в основном в торговле людскими слабостями, чужими изобретениями и крадеными идеями. Он тянет за рычаги, он нажимает на кнопки как представитель чей-то чужой власти — на том только основании, что разбирается в хитростях машинного дела.

К нам явился паразит духа, дервиш, кружащийся в вихре.

Бесперывное снование туда-сюда возбуждает городского жителя и одновременно лишает его умения воображать, вдохновенно размышлять и представлять себе будущее; то есть способностей, которыми он обладал, пока жил и разгуливал под безоблачными небесами среди той зеленой растительности, чьим товарищем он был от рождения. Он променял воодушевление Книги Бытия на выхолощенное учение об абстракции. Естественные забавы среди нетронутых лесов, лугов и водных протоков — такое свободное времяпрепровождение он променял на отраву угарного газа, на груды сдаваемых внаем каморок, обычно нагроможденные прямо вдоль мостовых, на «парамаунты», «рокси», ночные клубы и подпольные питейные заведения. И ради этого он уютится в клетушке среди таких же клетушек, под пятой домохозяина, который — вот апофеоз арендных отношений! — проживает прямо над ним в каком-нибудь пентхаусе.

Правоверный горожанин сегодня — такой же раб стадного инстинкта и чувства обладания опосредованной властью, как не так давно средневековый батрак был рабом бочки крепкого эля. Социальный сорняк — просто другого типа.

Сорняки дают семена. Дети растут, их тысячами сгоняют в школы, построенные как фабрики, управляемые как фабрики и также прилежно штампующие усредненных болванов, как конвейер — ботинки.

Одаренные люди, по-настоящему продуктивно работающие в отсутствие успеха, добиваются-таки «успеха» и становятся чьими-то представителями (если только сама толпа не оказывается их ремеслом), и вот они — потенциальные спасители человечества! — оседают в городах, чтобы производить, но не творить. Слабаки!

Сама жизнь лишь тревожно квартирует в большом городе. Горожанин теряет из виду истинную цель человеческого бытия и принимает за жизнь подменное, неестественно стадное существование, которое все больше и больше мутирует в беспорядочное слепое блуждание какого-то разумного животного, своего рода привой, лихорадочную погоню за сексом как за «освобождением» от рутинной реальности среди механического гудения механических конфликтов. Тем временем ему едва удастся сохранять — искусственными методами! — собственные зубы, волосы, мускулы и телесные соки; его зрение угасает от работы при искусственном освещении; его слух нужен теперь в основном для телефонных переговоров; рискуя увечьем или смертью, он двигается теперь только навстречу или наперерез транспортным потокам. Он постоянно теряет свое время из-за других, поскольку и сам столь же регулярно растрчивает время других, пока все снуют в разных направлениях по строительным лесам, по тротуарам или под землей, чтобы попасть в какую-то очередную

клетушку, принадлежащую какому-нибудь очередному домохозяину. Вся жизнь горожанина переусложнена и одновременно выхолощена при помощи машин и медицины. Если бы разом иссякло и касторовое, и машинное масло — город тотчас перестал бы функционировать и незамедлительно исчез бы с лица земли.

Сам город стал формой истерической аренды: жизнь горожанина отдана внаем, и его вместе с семьей выселяют, как только он оказывается на мели или «система» дает сбой. Каждый человек сдает, снимает и, наконец, сам оказывается сдан внаем, если замедлит свой безумный темп. Стоит этому несчастному начать печатать шаг не в такт со своим домовладельцем, капиталовладельцем или машиновладельцем, как ему конец.

А над ним, под ним и по обеим сторонам от него и даже в самом его сердце во время сна так или иначе работает счетчик арендной платы, побуждая этого запуганного потребителя неустанно бороться против немилосердного — или во имя более-менее милосердного — увеличения выплат. Не сбиться с шага. Расплатиться вовремя. На большее он особо и не рассчитывает. Он или выплачивает долг ценой собственной свободы, или ему удастся заманить в рабство других, дабы осилить те три священные выплаты, на которые он подписался в условиях нынешней великой и благодетельной лоте-

реи частной собственности. Человек, грабящий человека, — кажется, это единственная «экономическая схема», о которой он имеет хоть какое-то представление.

Однако все мощнейшие современные ресурсы, которыми горожанин естественным образом управляет посредством новейших машин, волей-неволей оборачиваются теперь — благодаря прогрессу человечества — против самого города. Система капиталистической централизации, которую городской житель сам когда-то помог выстроить, уже не работает ни для него, ни на него. Отслужив свое на благо человечества, централизация сегодня — это вышедшая из-под контроля центростремительная сила, все растущая под влиянием различных опосредованных воздействий. В своей жертве — горожанине — она все сильнее нагнетает животный страх быть выкуренным из норы, в которую он привык заползать вечером только для того, чтобы выползти оттуда на следующее утро. Естественная горизонтальность жизни исчезла, горожанин сам приговаривает себя к неестественной, бесплодной вертикальности, оказываясь поставленным на дыбы собственной неумеренностью.

Тем не менее нехватка жилья, трущобный быт и стремление к прибыли вместе норовят заковать его в оковы прямо стоя, и в этой вынужденной войне технических факторов он оказывается практически бессилен, неся на себе проклятие первобыт-

ного пещерного инстинкта — тень от стены, окружавшей поселение родового племени.

Первобытные инстинкты

Было время, когда человечество делилось на жителей пещер и кочевников. И если достаточно глубоко заглянуть в прошлое, мы, наверное, найдем там такого кочевника, перескакивающего с ветки на ветку под сенью древесной листвы и подстраховывающего себя кончиком собственного хвоста, в то время как более вялый любитель укрытий прячется в самых потайных норах и складках материи, какие он только умудрился сыскать.

Пещерный житель — это древний консерватор. Однако, скорее всего, со своей тяжелой дубиной он был даже более жесток (пусть и не более яростен), чем кочевник с его копьем.

Обитатель пещер стал со временем обитателем утесов и принялся строить города. Все воздвигнутое принадлежало ему. Его бог — истукан, еще более ужасный, чем он сам, убийца, сокрытый в пещере. Этого истукана пещерный житель возвел в ранг завета.

Его более подвижный и ловкий собрат изобрел жилище не столь громоздкое, легко приспособляемое к обстоятельствам, — походную палатку.

По мере того как времена года сменя-

в другие, следуя непреложному для него закону перемен.

Искатель приключений.

Его бог был духом, ветром таким же разрушительным — или благодетельным, — как и он сам.

Так разные ветви человеческой семьи, которые, как и другие животные, повинуются стадному инстинкту, создали богов по собственному подобию. И возникла между ними обоюдная вражда.

Обитатели пещер воспитывали свой молодняк под защитой стен. Дети же кочевых племен росли под звездами в той относительной безопасности, которую могла обеспечить пространственная удаленность от врага.

Таким образом, мы можем предположить, что житель пещер плодился и размножался быстрее своего собрата. Но тем более полным бывало его поражение и более ужасными разрушения, когда его бастионы не выдерживали натиска. С ростом его мощи росла и мощь его стен. Если пещерный житель не находил подходящей пещеры, он строил ее сам. Он стал хозяином крепостей. Города изначально и были крепостями.

Его собрат видел залог своей безопасности в движении. Его защита была в скорости реакции, в умении мыслить стратегически, в физической выносливости и во всех тех навыках, которым обучила его природа.

Оба этих первобытных инстинкта человеческой расы и сегодня остаются — на таком

временном расстоянии! — нашими основополагающими инстинктами, хотя кочевые племена, по-видимому, постепенно уступили пещерным жителям с их более материальными, более постоянными способами защиты.

Но мне кажется, что идеал свободы, который снова и снова пробивается сквозь наши устои, отвергая их частично или уничтожая их целиком, в каком-то смысле восходит к первоначальному инстинкту искателя приключений — того, кто выживал не покорностью и трудом под защитой стен, но благодаря свободе и собственной отваге в свете звезд.

Возможно, однако, что две эти человеческие породы совокупились и дали жизнь породам совершенно новым. В каких-то случаях это оказался удачный сплав достоинств. В каких-то — тягостное недоразумение. В каких-то же победил (более или менее интуитивно) один из этих двух мощных, архаичных, прототипических инстинктов.

С течением времени человечество (обе породы в единении) создало то, что люди сегодня называют цивилизацией. Цивилизации, обретя самосознание, принялись настаивать на необходимости культуры и бороться за ее совершенствование. В развитии цивилизации тень стены, по-видимому, играла более важную роль, хотя и широкий небосклон искателя приключений отнюдь не исчез.

По мере того как уменьшается физический страх грубого насилия и нужда в возведе-

нии крепостей, естественная тяга к свободе, присущая охотникам и кочевникам, оживает, оказываясь более уместной и оправданной, чем желание выстроить незыблемую каменную стену или забраться в самую надежную пещеру (когда-то необходимое для защиты человеческой жизни), и по сей день дремлющее в каждом промышленнике, фермере или торговце. Достижения науки и новые способы ведения войны в любом случае лишили эти защитные укрепления всякого смысла, и, возможно, ценность человека снова будет определяться скорее не тем, что он имеет, а тем, что он умеет. Таким образом, благодаря современным ресурсам зарождается человек нового типа, способный изменить окружающий мир согласно своим желаниям и восполнить то, что он потерял, осевши навечно в «тени стены» — в большом городе.

Уже сейчас очевидно, что жизнь в идеальных условиях того, что мы называем цивилизацией, должна теперь протекать среди большей свободы передвижения, большей пространственной свободы и большего количества света. Необходима новая концепция организации пространства. И уже по нашему осознанию этой необходимости ясно, что такая концепция появилась.

Современная мобильность — один из важнейших факторов! — посредством новых видов транспорта меняет психологию жителя пещер — городского собрата, присягнувшего

на верность правителю ради спасения через веру, а не через труд. Однако для его собрата-кочевника движение — вполне естественное средство достижения целей, которое возвращается к нему сегодня.

Таким образом, технический прогресс не-престанно и формирует, и разрушает человеческую натуру.

***

Однако устоявшиеся человеческие привычки умирают долго.

Любой человек — путешественник или домосед — прежде всего раб своих привычек. Привычки, основанные на первобытных инстинктах, сопротивляются всему новому, даже если оно целесообразно, и сходят на нет так же медленно, как вода точит камень.

Любые изменения жизненных условий сперва вызывают у людской массы желание защитить старый порядок: усиливается любовь к привычному и ненависть к новому.

Но определенные, долго остававшиеся в подсознании и уходящие корнями в эти первобытные инстинкты желания, доселе не реализованные в нынешнем плотном мире централизации, постепенно вырываются наружу и находят новые средства к осуществлению в новых условиях эры машин. Как обычно, такое высвобождение желаний и появление новых средств способствует положительному восприятию нового и последующему разрушению старой жизни. Таков

алгоритм изменений человеческих привычек, вскормленных древним инстинктом.

Пример из настоящего: из поколения в поколение молодого селянина Америки* влекли развлечения, утонченность и возможности города. В городах он рассчитывал найти свою «удачу». Самые ценимые жизненные преимущества тогда еще таились в том усиленном человеческом общении и в том возбуждении, которые характерны для городской жизни. Именно поэтому, когда развитие транспорта позволило ему свободно передвигаться, он немедленно направился в сторону города, дабы реализовать свои чаяния.

Внеэкономические основания города

Концентрация населения в городах естественным образом возросла благодаря тому, что три важнейших экономических конструкта — пережитки традиций, которые складывались в совершенно иных обстоятельствах, — были привиты к уже существовавшим способам производства и образовали самую настоящую экономическую систему. Две из трех составляющих этой но-

* В оригинале Usonia — термин, который Райт использовал для обозначения сельской Америки. (*Здесь и далее — примеч. пер.*)

вой внеэкономической «экономики» — это формы ренты, они искусственны, поскольку не природны. Это неестественные формы нетрудового дохода. Третья составляющая — тоже тип нетрудового дохода; прибыль, полученная посредством торговли техническими изобретениями: еще одна, хоть и менее очевидная форма ренты.

В условиях невиданной доселе в мире механизации эта экономическая система смогла неестественным образом разрастись и набрать обороты.

Первая и самая важная форма ренты, которая больше других способствовала распространению бедности как социального явления и чрезмерному разрастанию городов, — это арендная плата за землю. Земля, стоимость которой растет благодаря различным усовершенствованиям или самому росту местных сообществ, оказывается в собственности одного-единственного счастливого, чье право на владение этим клочком недвижимости есть везение «по закону». Доходы со случайного везения притягивают многочисленных приспешников — «белых воротничков», кормящихся за счет продажи, распределения, управления и сбора нетрудовых доходов с торговли более или менее удачными участками земли. Небоскреб есть современный памятник этому случайному везению. Город — его естественная среда.

Второй экономический конструкт — рента с капитала. Деньги, по известному еще

древним евреям принципу «роста», оживают, чтобы бесконечно работать и обесценивать всякую другую работу. Рента с капитала как надбавка к прибыли от труда — еще один вид случайного везения. Новые армии белых воротничков собираются, чтобы деловито подвизаться на ниве продажи, распределения, управления и сбора таких доходов — дармовых, мистическим образом явившихся прибытков к уже заработанным деньгам, которые эти доходы и приносят.

Современный город — оплот такого вида наживы.

Третий конструкт — это нетрудовые доходы с технического прогресса. Рента с теперь уже широко распространенных изобретений человечества; прибыль от участия в торговле этими изобретениями, которые располагаются и применяются не там, где они нужны, а там, где это выгодно лишь одной капиталистической централизации. Неизбежным образом прибыль от эксплуатации творческой изобретательности, действующей в интересах человечества, почти без остатка исчезает в карманах все меньшего числа капитанов современной индустрии. Только крохотная доля — помимо подачек от руководства — достается тем, кому эта прибыль принадлежит по праву: людям, чья жизнь была посвящена или пожертвована всеобщему прогрессу в интересах человечества.

Отряды облеченных властью менеджеров по продажам возникают, чтобы распро-

странять бессмысленные и переоцененные плоды перепроизводства — характерные для этого механизированного мира — среди подлинных хозяев машин: самих людей. Этот третий вид дохода по воле случая также привлекает множество приспешников в белых воротничках — «продавцов», продающих при помощи финансирования и отбрасывающих посредством угроз и насильственных конфискации или рефинансирования и «восстановления» прав на собственность. И разумеется, вся эта несправедливая выгода концентрируется в руках все меньшего и меньшего числа собственников — под воздействием центростремительной силы капиталистической централизации.

Необходимость поддерживать в рабочем состоянии и обеспечивать законодательную эффективность всех этих армий белых воротничков, возникших благодаря трем «экономическим» конструктам, и при этом согласовывать их действия, неизбежным образом привела к разрастанию понятного и естественного общественного блага: правительства.

«Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше»* — таким был идеал управления в Соединенных Штатах Америки для Джефферсона. Однако для поддержания

* Максима Ральфа Эмерсона («Политика», 1844), которую Генри Торо процитировал в первой фразе своего знаменитого эссе «О гражданском неповиновении» (1848).

мира и некоторой видимости справедливости между всеми этими низменными силами, деловито получающими прибыль при помощи таких чрезвычайно сложных методов обогащения, узаконенных правительством, само правительство изменило себе и тоже стало чрезвычайным. В результате к уже существующим добавилась еще одна армия белых воротничков. Местные и верховные суды, мелкие крючкотворы с их хитроумными судебными решениями образовали эту правительственную армию.

И наконец, многочисленные и разнообразные законы — сложная система уловок, применяемых для того, чтобы заставить все это слаженно функционировать, — породили новые полчища белых воротничков: юристов. Вскоре стало невозможно спокойно владеть или распоряжаться землей, получать доход с капитала или производить что-либо без указаний и советов этих специалистов по чрезвычайно запутанным правилам игры под названием «цивилизация эпохи технического прогресса». Неудивительно, что толкования самих этих знатоков часто противоречат друг другу.

И все эти служители различных видов ренты естественным образом оказываются одновременно и любимчиками, и покровителями города.

Эта совокупность экономических конструкторов, естественно, нуждается в стабильности, поддерживаемой сильной ру-

кой, а также в подходящей религии, которая видит спасение человечества в вере, а не в труде. Все вместе они образуют теперь уже традиционную, однако слишком раздутую и небезопасную альтернативу внятной экономической основе американского общества. Они есть фундамент устаревшего города; противоестественная основа противоестественно развивающегося организма, который паразитирует на всех природных источниках нормального производства.

Эти природные источники — люди, которые или с помощью физического труда, или путем освоения более сложных навыков непосредственно работают над производством материальных, эстетических, интеллектуальных или моральных ценностей, тем самым сполна оплачивая вексель человеческой жизни.

Жертва борьбы за приращение капитала

Меж тем каково же приходится субъекту, или объекту, или тому живому кирпичику общества, на котором, с его добровольного согласия, основана и зиждется эта необыкновенно сложная экономическая надстройка, функционирующая как система управления и как «бизнес»? Каково приходится самому человеку; человеку, который тяжелым трудом добывает из земли пропитание

для населения и богатства недр — для индустрии? Где в этой системе место крестьянину, механику, художнику, учителю, изобретателю, ученому, ремесленнику, дровосеку или водоносу?

Все они теперь так или иначе относятся к одной касте, все они — больше не баловни удачи. Богатства приумножают и контролируют комбинаторы, пользующиеся искусственными конструктами в рамках той экономической системы, которая не опирается ни на крепкое, доброкачественное производство, ни на глубинную природу взаимоотношений человека с его собственной землей. Три неестественные схемы, основанные на неестественной удаче, неестественным образом возвеличивают самые подлые стороны человеческой природы. Более того, хотя могучая рука насильственной законности и поддерживает эти три формы наживы, но и она — какой бы мускулистой ни была — время от времени устает и должна опускаться для отдыха. В такие моменты смятение и несчастье снисходят на всех, и в смятении и тревоге все ищут хоть какого-нибудь убежища.

Где же тогда место подлинного профессионала-ремесленника в этой башне экономического Вавилона, который своим высшим достижением и идеалом мнит раздутые сверх меры сооружения и раздутые сверх меры предприятия в раздутых сверх меры городах?

Да, централизация даровала ремесленнику некоторые преимущества, способствуя разработке новых машин и развитию профессиональной механики. Ремесленник — истинная честь и совесть человечества — переключился на работу с машинами, пытаясь насаждать красоту, справедливость, щедрость и сострадание. Он поклоняется единому богу — уже не истукану, сокрытому в пещере, но великому духу, правящему всем по закону.

Этот бог ремесленника есть теперь свободный дух, позволяющий человеку выбирать между тем, что для него хорошо и что плохо, так что в процессе такого свободного индивидуального выбора человек может сам стать подобным богу.

Эксперимент

Из этой смятенной жизни постепенно выросло современное представление о Боге и человеке в развитии — концепция под названием «демократия». А из нее, в свою очередь, явился малютка-найденыш: наша зачатая в условиях свободы страна, где все люди должны были быть равны перед законом. Ее огромная территория с нетронутыми богатствами недр досталась детям всего мира, искавшим свободы и имевшим достаточно храбрости, чтобы прийти и взять ее во владение по праву первопроходцев.

Этот новый эксперимент в деле управления вскоре привел к появлению великой федерации штатов: нынешних Соединенных Штатов Америки. Великая нация дала приют в своих пределах всем любителям приключений, всем отверженным, обманутым, утратившим надежду — хищнейшим из худших и храбрейшим из лучших, покинувшим свои прежние пенаты.

Без всякого соответствующего пересмотра традиционного «права на собственность» новая страна была основана на более справедливой и тем самым более полной индивидуальной свободе, невиданной ранее в мире: страна с правительством, которое должно было быть «тем и хорошо, что правит меньше». Томасы Джефферсоны заодно с Александрами Гамильтонами, и Джорджи Вашингтоны рука об руку с Авраамами Линкольнами, и Уильямы Ллойды Харрисоны, и Джоны Брауны, и Эмерсоны, и Уитмены вместе с Генри Дэвидами Торо, и Луисы Салливаны, и Генри Джорджи — вот такими были ее сыны. Они еще сохраняли в себе незамутненным этот изначальный идеал. Но затем к власти стремительно пришел циклопический частный капитал, победивший посредством трех основанных на везении схем получения доходов, и вскоре коммерческие интересы и соображения одержали верх над культурой. Противоестественные денежные накопления практически полностью обесценили культурные идеалы новой

страны. Так просто было что-нибудь вырастить, насобирать, открыть в этих нетронутых и богатых добычей краях, что состояния возникали в одну ночь, оказываясь в руках людей, наименее пригодных к обладанию властью или богатствами. И власть с богатством пожелали приобретать всё, что им нравилось и что они должны были бы выращивать сами. Внезапно разбогатевшие нуждались в культуре, которую можно купить за деньги или употребить в уже готовом виде. Свежие идеи оказывались все менее и менее практичными. В итоге те навыки, которые были принесены в новые земли добродетельными ранними колонистами, некоторое время доминировали. Но вскоре — с прибытием представителей множества разных народов — в искусстве и архитектуре проявился эклектизм. Потребность в заимствованных, готовых к употреблению искусствах и архитектуре становилась все острее по мере того, как сама страна превращалась в величайший в истории пример эклектики. Таким образом, заимствование в культуре стало насущной необходимостью, а прикладной подход — достоинством.

Впервые в истории не зависящий ни от кого народ, присягнувший идеалу новой свободы, превратился в нацию с набором уже готовых заимствованных культур, соединенных — насколько это было возможно — в наскоро выстроенное целое. Велика была несовместимость этих культур, что приводи-

ло к рождению уродцев. Преждевременное прерывание беременности оказалось удобным, а следовательно, желанным. Культура как производство общественного блага свелась в лучшем случае к бесконечному перерождению уже рожденного — пока новое не перестало рождаться, да уже и не могло родиться. Вся культура теперь подвергалась цензуре и искусственно адаптировалась, а вскоре по наущению академистов и при помощи образовательной системы оказалась насильно приставлена к наращиванию власти и освоению ресурсов. Очевидно, что такая прикладная культура не способна была ни к зачатию новой жизни, ни к должному осмыслению идеала, на котором страна была изначально основана.

Так что пока новая нация возносилась все выше в своем богатстве и величии, ее основные естественные ресурсы приносили под видом культуры один выкидыш за другим — странные, заимствованные, «адаптированные» формы. Извращение и претенциозность бросались в глаза на каждом шагу. Сама новая жизнь уже переросла старые формы, сделав их неестественными, однако творческой силы, способной оплодотворить жизнь и породить новые, органичные формы, по-видимому, не находилось, поскольку из эклектичной имитации нельзя было извлечь никаких конструктивных уроков. Все оценивалось лишь в категориях личных предпочтений или неприязней: именем

«классики» повсюду заправляла своего рода вседозволенность.

Культура, оказавшаяся совершенно бес- сильной перед лицом чудовищной полити- ческой мощи, сама стала чудовищем, ко- торое прикрывалось верностью классике и творило под этим предлогом чудовищные преступления. Значение имели одни толь- ко имена и названия стилей. Мода властво- вала безраздельно. Бессилие почиталось за добродетель — оно было безопаснее.

Со временем в условиях «новой свободы вкусов» паразитизм оказался возведен до уровня академической культуры — таковы были последствия полного отсутствия кри- териев выбора, кроме одного: что может ку- пить человек с придирчивым вкусом? Это было неизбежно, поскольку Бог закона, ко- торый должен был править властителями страны, основанной на самой справедли- вой форме свободы из тех, что доселе знало человечество, не ниспослал своему народу более глубокого осмысления жизни в ее ис- кусствах и ремеслах. А затем в эту важней- шую область человеческого сознания уже не таясь вступила Традиция как источник эклектики. Искусство и архитектура, суще- ствовавшие в течение пяти столетий как паразиты, стали имитироваться паразита- ми. Религия также опустилась до уровня эклектики. Это было необходимо для под- держания всеобщей искусственности. Экс- плуатация готовых формул вышла на пе-

редний план во всей религии, как и во всем искусстве.

Возможно, когда дело касается культуры, любая эклектичная по своей природе нация только и может, что плодить знатоков, для которых «вкус» и есть культура.

Так «академия» приняла закат за рассвет! Псевдоклассика по указке официальных лиц и академистов воцарилась в умах. «Американская культура» обернулась маршем в полнейшую тьму. Что могла она, кроме как спотыкаться — или отшатываться, когда жизнь начинала настаивать на чем-то более жизнеспособном?

Даже если бы она и попыталась, такая культура не могла взрастить на новой почве ничего подлинного. Она лишь была способна — по мере роста богатства и опосредованной власти — застраивать землю, на которой мы так недавно обосновались, перенаселенными городами. Идеал был мгновенно предан внезапно разбогатевшими.

Джефферсоновский идеал демократии вдохновлял лишь поначалу; не найдя подкрепления в культуре, он зачах. Драпировщики и галантерейщики, исполняющие обязанности художников и архитекторов (вместе с агентами по продажам, которые могут продать и их самих, и их продукцию «успешным» людям), оказались способными лишь едва замаскировать политическую реальность и бурление жизни в новой стране, которые так и остались без художественной

интерпретации и выразительных форм — как некая данность. Однако эта самая голая данность все равно была куда лучше прикрывающих ее культурных декораций.

Тем временем в лучших университетах молодые люди внимали профессионалам эклектизма, чтобы безвозвратно стать дипломированными духовными паразитами.

***

Так та культура, что мы имеем в Соединенных Штатах, утвердилась как нечто прекрасное поверх жизни, потому что мы не смогли или не захотели научиться быть частью жизни.

А жизнь, как она есть, течет своим естественным, интуитивным чередом по руслу повседневности, являя чудеса, на которые сама культура указывает потом с гордостью и удивлением... пораженная, что такое вообще может происходить. Необходимо было отречься от культуры, чтобы стали возможны такие чудеса и изменился сам масштаб человеческих действий.

Речь идет о чудесах технических изобретений — о двигателе внутреннего сгорания, породившем новые виды транспорта; о новых формах электрической связи; о стали, стекле и автоматических механизмах; о современной архитектуре. Культура не имеет к ним никакого отношения, но, несмотря на неправильное или даже преступное их применение, они стали теперь силой, с которой

и культура, и сама жизнь вынуждены считаться на пути к новой свободе.

Благодаря электрификации расстояния уже практически не имеют значения для передачи информации. Благодаря автоматизации фактически исчез и ручной труд.

Благодаря развитию транспорта — паровозов, летательных аппаратов и автомобилей — сфера механически достижимого для человека неизмеримо расширяется.

Благодаря современной архитектуре человек и его творения теперь распознаются как благородная и неотъемлемая часть мироздания, подобная деревьям или водным потокам. Архитектура для каждого конкретного человека становится обоснованной и возможной. Индивидуальность вступает в свои права.

В защиту индивидуальности

Будда верил, что только благодаря непосредственным, то есть индивидуальным усилиям можно достичь совершенства.

Иисус проповедовал достоинство и ценность каждого отдельного человека, развиваемые внутренней индивидуальной работой, хотя христианство и извратило это учение.

Католическая церковь низвела этот идеал до «каждый за себя, и черт побери отставших», подчеркивая желательность полно-

го отказа от индивидуальности, что всегда в той или иной степени было философией аграрных обществ, хоть и не их практикой. Протестанты отчасти вернули почтение к индивидуальности как смутный идеал. Однако еще за пятьсот лет до Иисуса философия китайского философа Лао-цзы понимала индивидуальность как достижение органичной целостности. Наш собственный идеал социального обустройства общества, демократия, был изначально задуман как такое органичное единство — иными словами, как свободное развитие многих свободных индивидуумов, действующих согласованно и сообща по собственному почину. Сегодня мы обязаны поддерживать этот естественный принцип демократии; мы должны жить согласно ему, дабы вновь обрести ту основу, которую потеряли из-за чрезмерного разрастания больших городов, возведенных централизацией.

«Кондовый» же индивидуализм, который сегодня управляет в нашей индустрии, — «капиталистический», — совершенно чужд этому идеалу индивидуальности. Подлинная разница между подобным «измом» и настоящей индивидуальностью — это разница между эгоизмом и самостью; между сентиментальностью и подлинным чувством; между вседозволенностью и свободой.

Такой «изм» — вот уж действительно «каждый за себя, и черт побери оставших», — усугубленный злоупотреблениями

опосредованной властью, создал плохую репутацию подлинной индивидуальности. Извлечение любого идеала приводит к росту противодействия. И признаков этого противодействия предостаточно. Усвоенная же нами культура не может ничего предложить в ответ, поскольку в распространенном у нас искусстве личная идиосинкразия слишком часто и легко принималась за индивидуальность. Бесплодие — вот естественное следствие опосредованной власти и характерная черта современности, в то время как способность к творчеству уже должна считаться признаком индивидуальности.

Кстати говоря, мы так и останемся беззащитными до тех пор, пока жители Америки не признают ярко выраженную индивидуальность высоким и редким даром, делом души, которое всегда фундаментально, а значит, всегда — глубоко консервативно.

Личность, которая перестала развиваться, — это не индивидуальность. Воля и ум, обслуживающие только желания, могут породить лишь человеческого монстра, а не индивидуальность.

Подлинная индивидуальность — это прежде всего глубинное свойство духа или, лучше сказать, естественная духовность (если употребить два слова, которые редко оказываются рядом в наших беседах и в нашей философии).

Однако распространенная ошибка и слабость многих рассуждений состоит в том,

чтобы говорить о духовности в отрыве от тела, а не как о важнейшей составляющей телесного. Подлинное значение может иметь только духовное содержание того, что материально. Если не хватает содержания, не хватает и самой жизни. Где есть жизнь, там есть содержание. Бессодержательное безжизненно.

Индивидуальность в таком случае может быть понята как органичное содержание каждого человека и каждой души, которое больше, чем совокупность личных свойств. То есть настоящий человек всегда — от начала и до конца — озабочен содержанием и оберегает его целостность. Индивидуальность, таким образом, — это содержательная целостность человека или вещи.

Без индивидуальности в этом глубоком смысле человеческой целостности не может быть жизни, кроме как жизни притворной и подменной. А в отсутствие подлинной Жизни не может быть и подлинного Искусства.

Поэтому нам следует осторожней критиковать индивидуальность, когда мы раздражены вопиющими несправедливостями, творящимися от ее имени. Возможно, капитализм и есть оголтелый индивидуализм, но индивидуальность — это нечто другое. Естественно, она ничего общего не имеет с капитализмом, коммунизмом или социализмом. «Изм» в любом виде не имеет индивидуальности. К моменту пришествия очередного «изма» или «иста» индивидуальность уже

обычно оказывается подменена какой-нибудь формулой. Именно поэтому все великие духовные учителя — Иисус, Абдул-Баха и особенно Лао-цзы — не хотели создания никакой структуры, никакого аппарата; им не нужно было никаких учеников, кроме «ловцов человеков».

Однако человеческая природа еще слаба — человеку легко задурить голову: похоже, он готов действовать лишь согласно цивилизационным нормам, двигаясь по уже проложенным траекториям — желобкам или рельсам, а еще вероятнее — по колее.

Колеею уважают, ее рекомендуют как «безопасную». А еще колеею слишком часто называют законом и порядком, хотя ее следует понимать и определять исключительно как колеею. Индивидуальность же всегда довольно скоро оказывается угрозой всем формам колеейной жизни, и та восстает против индивидуальности.

Акрогород

Город будущего интересен нам как город индивидуальности как раз в этом естественном понимании индивидуальности как содержательной целостности человеческой расы. Без этой целостности не может быть подлинной культуры — независимо от того, чем окажется то, что мы называем цивилизацией.

Этот город для индивидуальности мы назовем Акрородом, потому что он предполагает выделение на каждую семью земельного участка площадью минимум один акр*.

Нас беспокоит, что системы запугивания, схемы и «стили» стали уже настолько удобны в качестве цивилизации, что они могут попытаться и дальше править в Американии в виде культуры имитации, таким образом на неопределенное время отсрочив все надежды на лучшую жизнь, которые еще могло бы иметь растущее население любого подобного города Соединенных Штатов.

Сегодня капитализм как основа индивидуализма и эклектизм как основа личности, с их приверженностью вкусу, стоят на пути широкого понимания индивидуальности как духовной целостности. Из-за этого фундаментального непонимания мы — добыча наших торговцев культурой — рискуем потерять шанс на свободную жизнь, которую нам изначально обещала наша хартия свободы.

Я вижу такую свободную жизнь в Акророде.

Что до свободы... У нас сухой закон, потому что несколько дураков не смогли справиться со своим пристрастием к выпивке; в России — коммунизм, потому что несколько дураков не смогли справиться с вла-

* Акр — единица площади в английской системе мер, равная 0,405 га.

стью; мы имеем весь этот раздутый приватизм, потому что несколько дураков не могут справиться со своим «успехом», а деньги обязаны продолжать делать деньги.

Если вместо органичной архитектуры мы в Америке получим формулу архитектурного стиля, произойдет это потому, что у слишком большого числа дураков нет ни воображения, ни духовной целостности, которая называется индивидуальностью. И сегодня мы имеем чрезмерно разросшиеся города, потому что множество дураков-капиталистов рады быть опасными дураками.

Дурак обычно лишен содержания, за исключением того, что обозначено цифрами. Дурак не бывает ни за, ни против. Однако благодаря случайно полученным богатствам и достижениям технического прогресса дурак вместе со своими приспешниками — ничтожествами — собственно и стал этим разросшимся городом, этой дамбой, которая перегораживает рвущийся к свободе поток.

***

Поначалу жить в Акрогород переедет только человек, по собственной воле занимающийся (сознательно или бессознательно) индивидуальным саморазвитием, потому что город этот будет выстроен на понимании достоинства и ценности личности. Однако вслед за этими мыслящими в новое коллективное-индивидуальное, которое

Где же горожанин?

только и можно назвать демократией, потянутся и другие.

Но прежде чем что-либо содержательное или важное произойдет в культуре такой цивилизации, как наша (не важно, как именно эта цивилизация возникла), индивидуальность как нечто значимое и целостное обязана показать здоровый рост или по крайней мере просто выздороветь. Она должна быть признана неотъемлемой составляющей величия.

В органичной современной архитектуре все будут по мере возможностей радостно развивать эту составляющую в том же духе, в котором строились величественные соборы Средних веков. Из всего, что нам известно в прошлом, именно этот средневековый дух был ближе всего к коллективному демократическому духу. Коллективный дух народа, сплоченного общими задачами, средствами и ресурсами, позволяет без всякой формулы достичь великого единения.

***

Город, возведенный центростремительной силой, сам по себе уже есть «изм» для «истов» и «исток». Кроме как на периферии, в нем больше нет места для индивидуальности. Индивидуальность загнана в углы и щели, смята или уничтожена, подавлена жизнью большинства, которая лишь конкурирует с жизнью подлинной, но никогда ею не становится.

Никто душевно здоровый не может более развиваться или выживать среди чужеродной суеты города, возведенного машинами, потому что жизнь в нем означает капитуляцию всех человеческих качеств перед соображениями выгоды, которые бессмысленно и без всякой цели — если только речь не идет о какой-то форме ренты — навязываются здесь каждой живой душе.

Добровольное самопожертвование может быть созидательным. Однако быть приговоренным к рабской жертвенности, добровольно и пожизненно прибегать к мелким уловкам для того, чтобы в результате ничего не добиться, — это совсем другое дело. То, что душа дарит, также идет ей на пользу, как и то, что она получает; но никогда душа не выигрывает от того, что у нее отнято. Теряя всякий смысл, городское существование превращается в вечное заключение, обрекающее нас на работу для других и мелкое вымогательство. Такая жизнь уже неактуальна. Большой город больше не современен.

Перемены

Нужно отметить, что до пришествия всеобщей, стандартизированной механизации город был более человеческим. И пропорции застройки, и сама городская жизнь были в большей степени соразмерны человеку.

При планировании города все пространственные параметры основывались — вполне справедливо — на габаритах человека, стоящего на ногах или сидящего в какой-нибудь повозке позади одной-двух лошадей (механизация тогда еще не предложила более скоростной альтернативы). Праздники остроты, парады пышности и пиршества случайностей разнообразили жизнь горожан в тех же самых условиях, для которых город и был спланирован. То есть изначально город был формой коллективной жизни облеченных властью и верных своей природе индивидуумов, которые жили на удобном расстоянии друг от друга. Эти городские жители лучшего сорта уже покинули современный город — возможно, отправились путешествовать или переехали в загородные поместья. Все таланты, что только имеются в современном городе, уже давно прибывают туда из деревень, по сути, это глупцы, гордые своим «успехом» и тянущиеся в город, как на рынок, только для того, чтобы найти там ненасытную утробу, которая жаждет лишь количества, а не качества, — и которая в конце концов пожирает их самих так же, как сейчас она пожирает саму себя. Рыба есть на рынке, но ее нет в реках. Частые побеги на природу уже сейчас стали жизненно необходимы для всех обитателей города-переростка, который на условиях рабства не предлагает человеку ничего из того, что на свободных основаниях ему не могла бы предложить деревня.

В чем тогда прок от этого разросшегося сверх меры города? Та нужда, что приковы-вала человека к городу, или уже отпала, или вот-вот сойдет на нет. «Горожанин» пока еще существует лишь потому, что настоящая жизнь была у него отнята и он принял то, что предлагалось взамен.

Основные единицы измерения пространства тоже радикально изменились: человек, сидящий в своем автомобиле, занимает теперь в десять раз больший объем и развивает в сто раз большую скорость, чем раньше. В такой ситуации город оказывается устаревшим и ненужным. Подобно какому-нибудь старому зданию город по-прежнему обитаем лишь потому, что существует. Мы чувствуем себя обязанными жить там и не можем решиться разрушить его, чтобы построить что-то новое — то, что, мы знаем, нам действительно необходимо. Однако в недалеком будущем мы будем готовы отдать все, что имеем, в обмен на новую свободу, принадлежащую нам по праву, — если и не ради себя, то ради наших потомков.

Истребление человеческой индивидуальности неизбежно приводит к бегству истребляемых. А в конце концов, как доказывает история, — и к уничтожению истребляющего.

Вместо того чтобы хоть в чем-то оставаться современным, этот истребитель индивидуальности во всем демонстрирует свою дряхлость.

Бурлящий водоворот, устроенный властителями

Чрезмерно разросшийся американский город воздвигнут, таким образом, на нашем недоразвитом социальном фундаменте как некая противоестественная экономическая система.

Словно опухоль, ставшая злокачественной, словно раковое новообразование, город оборачивается угрозой для будущего человечества. Город с его коммерческой эксплуатацией стадного инстинкта не просто значительно перерос человеческий масштаб, напрочь забыв о человеке как о мере всего. Еще важнее то, что душа правоверного горожанина оказалась настолько потеряна, что принимает преувеличение за величие, не может отличить опосредованной чужой власти от своей собственной и видит в грохоте и вертикальной устремленности большого города доказательство своих собственных выдающихся качеств. Правоверный горожанин, низведенный до эйфорического состояния букашки среди грохота затонов и ужасающего столкновения различных сил, видит в этой бурлящей гиперболе свое собственное величие. И он доволен этим — опять-таки опосредованным — величием.

Но кто, попав впервые, скажем, в Нью-Йорк, не почувствует, что мы — «великий» народ, раз смогли выстроить для столь неумолимого двигателя коммерции футляр

такой безжалостной высоты, навесив на него — невзирая на затраты — всю эту почерпнутую из книг архитектуру?

Какая же энергия устремилась тут в единый центр, чтобы благодаря избытку рабочей силы и разнообразию строительных материалов, а также посредством не вполне удачных попыток «украшательства» нагромоздить штабеля материальных ценностей, навязывая живописные очертания случайных масс глазу, растерянно взирающему на все это откуда-то снизу из вечной тени! Схожий эффект возникает всякий раз, когда неодолимая сила природы взламывает и вздыбливает земную кору. Здесь же наполняющий все живое тревогой вулканический кратер образовался в месте столкновения слепых, беспорядочных энергий терзающих друг друга людей, движимых жадностью до взаимной эксплуатации. Все это — отнюдь не величественное проявление жизненной силы. Но вне зависимости от того, какой смысл имеет это монструозное нагромождение, по ночам оно являет мириады случайных красот — в абрисе зданий, в игре отраженного или преломленного света. Монструозность начинает обретать ритм и вызывать отклик у ценителей красоты и романтики. Мечтателям ночной город начинает казаться загадочным и многообещающим, а несведущим — одухотворенным. Увенчанная ожерельями из огней таинственная мгла, сквозь которую све-

тят скопища подменных звезд, — это поистине будоражащее зрелище. Улицы светящимся пунктиром ритмично устремляются к горизонту, а отражения их фонарей напоминают сиреневые гроздья глициний, свисающие с садовой решетки. Здания — это теперь мерцающие вертикали, легкая вуаль, задник для праздничного представления, натянутый на фоне темного неба, чтобы ослеплять, развлекать и потрясать воображение.

Освещенные изнутри интерьеры проглядывают сквозь все это, являя ощущение полноты жизни и благополучия. Ночами огромный город не просто кажется живым. Он живет — точно так же, как живет иллюзия.

А затем наступает утро. Реальность. Людские потоки снова выплескиваются на мостовые и устремляются в подземные норы, чтобы направиться в ту или иную часть города, плотно стиснутыми в гуле и натиске скорости, — и потом выплеснуться наружу в другом месте. Убогое воспроизведение пространства, взятого внаем. Всепоглощающее ощущение каморки. Острое переживание стесненности, дробности, ограниченности, изъеденности, переполненности пространства. Ярус за ярусом бездушные этажи, пустые расщелины, извилистые пути, проложенные по ветреным, болезнетворным ущельям. Жесткая хватка хищного вселенского эгоизма. Коробка на ко-

робке рядом с другими коробками. В самом низу — черные тени в тесных пещерах, где дни напролет пылает искусственное освещение. Тюремные камеры. И над всем этим лживая, жестокая гордыня творит случайный, ломаный, вычурный, средневековый силуэт города в попытке сделать его более человечным посредством утаивания правды о его истинном предназначении. Затор, смятение и тревожное, спазматическое шныряние взад-вперед — на старт, внимание, марш. Слишком узкие проулки (если они вообще имеются) используются в лучшем случае вполовину своих возможностей из-за решетки плана. В их деревенской узости — бедлам резких звуков, опасное, бессмысленное, спазматическое коловращение в глубокой тени. Извращение!

Эта гигантских размеров ловушка для людей разрушает человечность и в своем показном бунте личности совершенно отрицает всякую индивидуальность. Этот Молох признает только одну заповедь: «Еще!»

Нигде не сыскать проявления внятной мысли или здорового чувства. Повсюду — даже в библиотеках, музеях и институтах — паразитическое притворство и фантастические уродцы. Но если горожане — паразиты, то сам чрезмерно разросшийся город — это варварство в подлинном смысле этого слова. Самый яркий из существующих примеров варварства.

Небольшая, процветающая деревенская гавань обезумела от избытка: избытка успеха, как его сегодня трактуют идеалы и принципы бизнеса. Ничего, кроме желания получить еще больше того, что уже и так в избытке.

Самые прекрасные человеческие чувства впадают в оцепенение.

И даже бездушная коммерция, вечно стремящаяся к успеху, сбавляет обороты.

Ведь в противном случае все эти деловые круги, которые воздвигли город, а теперь им владеют, тратя на него миллионы и заставляя имеющиеся у нас искусства выставлять основную цель его существования — то есть получение ренты — в приемлемом для миллионов свете, рискуют разорить друг друга в вечной гонке за все более масштабной и качественной архитектурной приманкой для сбитых с толку съемщиков. Иначе получается, что реальные силы, построившие город в процессе конкуренции за толпы плательщиков ренты, сооружают его только затем, чтобы разрушить.

Силы, разрушающие город

Давайте же теперь обратимся к тем силам, которые атакуют город, и посмотрим, как они в конце концов вернут то, что еще осталось от человеческой природы после этого воспаленного ускорения, и теле-

сно, и духовно назад к земле, а со временем и восполнят урон, который злокачественное разрастание городов нанесло жизни в Соединенных Штатах.

Так, на разрушение, которое на самом деле есть развитие, работает уже упомянутое нами пробуждение того дремлющего первобытного инстинкта бродячего племени, который теряется в глуби веков и переплетается с инстинктами жителей пещер.

На стороне этих древних любителей больших пространств оказываются реальные физические силы, которые сегодня неизбежно обращаются против городов, поскольку современность — при помощи изобретений в области электричества, механики и химии — будет делать передачу голоса и зрения на расстояние, а также перемещение во всех его известных человеку формах все более беспрепятственными, пока полная пространственная свобода не станет научным фактом. Поэтому город с его перегруженной вертикальностью уже оказался несовременным, а для любителей свободного пространства — и нестерпимым. Неестественная удушьяющая вертикальность проигрывает естественной горизонтальности.

В качестве еще одной движущей — на этот раз духовной! — силы, которую в ее свежей интерпретации мы уже упоминали как выдающийся идеал человеческой свободы, к нам на помощь приходит демократия. Эта духовная концепция найдет свое выражение в той

жизни, которую мы вот-вот начнем вести. Этой концепцией мы увлечем за собой нацию, которая грезит демократией, лишь наполовину понимая и сам идеал, и его реальные формы. Идеал демократии становится величайшей подсознательной силой, которая теперь работает против города, опираясь на новые материальные ресурсы.

Инстинкты выживания, характерные для свобододлюбивого первобытного человека; новые инструменты цивилизации, которые мы называем машинами и которые используют новые невероятные материалы; и великий новый идеал человеческой свободы, демократия — вот три мощнейших естественных фактора, которые сообща работают (в настоящий момент только отчасти осознанно) на преодоление всего того навязанного и ложного, что породило и способствовало чрезмерному росту города как крайней формы концентрации эгоистических устремлений. Удовлетворенность человека своей жизнью больше не зависит от плотности населения.

***

Давайте же взглянем на один из этих факторов в действии — на использующие суперматериалы машины, которые силой меняют этот «лучший из возможных миров», — и вникнем в детали того нового чувства свободы, которое воплощается в современной архитектуре.

Новая мера пространства

В прошлом, когда коммуникация между людьми была возможна только при личном контакте, а избыточные передвижения пешком были нежелательными, обмен — коммерческий или социальный — был затруднен или даже вовсе отсутствовал везде, кроме города, который функционировал как местный рынок, как общественное место для встреч и как распределительный центр. Изначально города росли именно так, обслуживая нужды населения. Концентрация людей была когда-то необходимостью, а не чистым злом. Города развивались, как сказано выше, словно один организм внутри другого — напоминая, скажем, доброкачественную фиброзную опухоль, растущую в теле человека. Повышенная циркуляция и активность, свойственные паразитарной опухоли, оказались также характерны и для места централизованного скопления людей под названием город — по сравнению с нормальным ходом жизни на природе в условиях аграрного или индустриального производства на больших сельских территориях. Города древних цивилизаций возникли именно для того, чтобы восполнить недостаток тех взаимодействий и коммуникаций, которые так актуальны сегодня; и все эти города были разрушены. Европейские города воспротивились распространению небоскребов и до сих пор остаются более

сомасштабны человеку. Но наши захваченные небоскребами города из-за органических изменений злокачественного свойства продолжают разрастаться, являя собой симптомы болезни, которую могут облегчить лишь лихорадка и избавление от пораженных тканей. Или же смерть.

Однако если рассуждать менее неприязненно, города обеспечивали централизацию, необходимую неорганизованной жизни в их округе; обеспечивая подходящую для того времени концентрацию, они выполняли свое предназначение и, сопротивляясь эксплуатации, выживали. Однако наши американские города, с гордостью приняв свою преувеличенность, лишили и смысла, и души все то, что они «централизовали». Деревня когда-то так же нуждалась в городе, как город — в деревне: по причине физической невозможности преодолевать большие расстояния из-за ограниченности имевшихся тогда примитивных способов коммуникации. Однако с появлением новых изобретений, развитием науки и распространением экономящих человеческий труд машин, работающих на суперматериалах, все эти древние ограничения постепенно исчезли, а новые механизмы и новые разнообразные ресурсы извратили идею города, дав ему возможность высасывать из своей округи все больше и больше жизни, которую город никогда не смог бы компенсировать.

В конце концов в силу бездумной инерции привычки все эти мощнейшие, важнейшие, новейшие материальные ресурсы, созданные самим человечеством, лишь поспособствовали — по недоразумению! — превращению уже ненужного города в угрозу самой жизни.

Под давлением этих радикальных изменений лихорадочное возбуждение городского нервного узла не просто феноменально усилилось. Оно стало смертельно опасным.

***

Изучать план любого большого города — значит изучать фиброзную опухоль в разрезе. В свете современных требований к пространству он воспринимается как аномальное уплотнение ткани с усиленной, но болезненно неестественной циркуляцией.

Жизненно необходимая концентрация превратилась в агрессивную централизацию — в экономическую производственную силу, вырвавшуюся из-под контроля. Вырвавшуюся из-под контроля. Да и что способно контролировать процесс централизации?

Централизация — общественная сила, возводившая на троны королей, есть также и экономическая сила, способствовавшая чрезмерному росту городов. Централизация, все туже и туже стягивающая пространство опосредованной властью машин, сама становится своего рода механизмом, который

под воздействием центростремительной силы раскручивается со все большей скоростью до тех пор, пока, окончательно потеряв управляемость, он вдруг не становится центробежным: лишь полное рассеивание или разрушение могут его остановить. Как центростремительная сила централизация хорошо знакома с ускорением. Может ли ее контролировать что-либо еще?

Правительство? Нет.

Только человеческий разум, осознавший преувеличенность роли машин и способный вмешаться в процесс во имя человечества, может поставить машины на службу естественным нуждам — производственной, социальной, нравственной — в условиях новой свободы. Только в этом спасение от централизации городов в ее нынешнем виде; в этом будущее эры технического прогресса, если у эры технического прогресса вообще есть будущее.

Суть движущих сил современности

Мы уже упоминали те факторы новой свободы в эру технического прогресса, повышению эффективности которых так много способствовала централизация и которые неизмеримо расширили возможности передвижения человека.

Итак, повторим.

Фактор номер один. Электрификация: сегодня нужды связи уже не требуют непрерывности городской ткани. С точки зрения передачи информации нет большой разницы между расстоянием в несколько кварталов, или в десять миль, или в тысячу. Книгопечатание уже давно сделало человеческую мысль вездесущей. Теперь же не только мысль, но и речь и движение транслируются на расстоянии. Сначала — телеграф, потом — телефон и автомобиль, теперь — радио, скоро — телевидение и безопасные полеты.

Фактор номер два. Энергия пара уже усовершенствовалась и, насколько возможно прочно, объединила между собой различные человеческие изобретения для жизненного комфорта. На сцену выходит двигатель внутреннего сгорания, который может безопасно и бесперебойно работать где угодно. Вместе с ним появились моторные корабли, автомобили и аэропланы. С точки зрения движения транспорта теперь нет большой разницы между парой сотен футов и миль или миль и десятками милями. Дороги с твердым покрытием начинают прокладывать как пути скоростного, бесперебойного автомобильного сообщения.

Фактор номер три. Механизированные системы охлаждения, отопления и освещения делают зависимость от централизованных систем обслуживания ненужной, мало-значительной и не сулящей особых выгод.

Фактор номер четыре. Новые материалы: преднапряженный железобетон, стекло, широкие, тонкие, дешевые листы металла и прочие листовые изоляторы позволяют создавать при помощи техники здания нового типа, открытые к взаимодействию с окружающей средой и расширяющие жизненные возможности своих обитателей благодаря связи с землей.

Фактор номер пять. Массовое машинное производство позволяет теперь производителям товаров выпускать качественные бытовые устройства и обстановку по доступным всем ценам, вместо того чтобы производить сомнительные роскошества лишь для немногих.

И здесь вполне естественно возникает возможность перенести все эти реальные достижения централизации — того, что нам известно как большой город, — в край, который мы называем сельской местностью. Там они соединятся с преимуществами близости к земле в общность, которую мы называем современной архитектурой, в той естественной природной среде, которую мы называем красой нашей страны. Недостатки же города можно будет оставить позади — «финансистам» и проституткам, пока и они не переродятся.

***

Для современной архитектуры теперь характерен новый запрос на более целостный подход в деле объединения всех новейших

усовершенствований в интересах человека. Целостность — в противовес централизации — естественным образом проистекает из идеала демократии. Децентрализация и целостный подход воплощаются в архитектуре, которая распространяется по всей стране, предлагая более подходящую основу для переизобретения структуры и контекста современной жизни, вышедшей слишком далеко за пределы человеческого масштаба. Чтобы человек сегодня смог обрести целостность, его необходимо вернуть к унаследованным им богатствам. У него больше нет причины оставаться тем паразитом, которого из него прежде делала централизация.

Однако все эти новые факторы свободы пока еще не могут без ограничений работать на благо человечества. Человек еще не распоряжается ими в полной мере. Ими распоряжаются силы централизации, управляющие городами, и, возможно по инерции, эти достижения остаются под гнетом извращенной тройственной экономики вместо того, чтобы служить развитию человеческой жизни.

Тем не менее мы можем быть уверены, что «и то, что делается ради истины, и то, что против, — одинаково хорошо ей служит».

По своим внутренним качествам и потенциалу новые движущие силы, которые сами по себе совершенно органичны, вполне способны разрушить системы, на данный момент слепо эксплуатирующие, извращаю-

щие и обесчеловечивающие их до такой степени, что людям достается лишь малая доля тех выгод, что приносят передовые механизмы и суперматериалы.

Решение любых практических проблем зависит от социального устройства. Однако еще в большей степени оно зависит от того, что мы называем архитектурой. Именно современная архитектура должна найти выход из этого слепого столкновения различных сил и помочь избежать извращения идеалов демократии. Положить конец растрате жизненных сил, которая столь противна по духу нашему эксперименту по созданию цивилизованного общества.

Давайте же научимся понимать жизнь как органичную архитектуру и видеть жизнь в органичной архитектуре. Можете не сомневаться: прекрасная жизнь породит прекрасную архитектуру.

Что же на самом деле означает транспортная проблема для человека на городской улице

В области искусства или архитектуры любой подражательный эклектизм, каким бы он ни был утонченным, — всего лишь некая форма сентиментальности. В лучшем случае — это не более чем эксплуатация уже существующего. В худшем — вид воровства. Галка, сорока, кукушка. Обезьяна...

Наш «эксперимент» сознательно трактовал художника лишь как просвещенного сентименталиста. Надо отметить, что в настоящий момент этот сентименталист отчаянно пытается строить из себя функционалиста. Однако его сентименталистские убеждения не позволяют ему усваивать такие уроки, поэтому все его усилия остаются не более чем вариациями обычной беспринципности — подражательным эклектизмом.

Слишком долго художник заимствовал и использовал уже готовые формальные приемы; слишком долго он оппортунистически вел жизнь за собой вместо того, чтобы дать жизни вести его самого, позволив ей научить его творить и жить честно и продуктивно.

Убеждения художника по-прежнему, как это было с самого рождения республики, основаны на уловках. Пока художник остается таким «искусственным», как он может строить для будущего?

Только радикальные убеждения, верные радикализму самой жизни, могут быть полезны там, где необходимо возвести подлинно ценное здание.

Давайте же взглянем на проблему уличного движения — то есть на основную проблему перегруженного города — как на проблему человека. Не с точки зрения какого-нибудь умельца-изобретателя или механика в гараже, но и не с той детской наивно-

стью, которая надеется разрушить устаревший город, насадить на его месте зеленые пастбища, а потом заново возвести там тот же город, только расставив средневековые башни чуточку дальше друг от друга.

Инвестор, вложивший средства, может отдать свою долю только добровольно. Но он и не подумает проявить добрую волю.

Давайте взглянем глазами архитектора на то, как естественный закон органического роста меняет город, и попробуем понять, как мы можем поспособствовать неминуемым переменам.

Любителями небоскребов было наговорено достаточно заводящей в тупик ерунды о перегруженности города — все это лишь заслоняет основную проблему. Каков практический смысл во всей этой чрезмерности суперпространств, предназначенных для сдачи в аренду? Помочь супердомовладельцам добиться супервысокой концентрации супермиллионов съемщиков для извлечения супермиллионов суперприбыли?

По естественным причинам «транспортная проблема», как мы называем наиболее очевидную проблему городских улиц, и в будущем не может быть решена на приемлемых для горожанина условиях ни в одном из наших перегруженных городов.

Город эксплуатирует инстинкты безвольных человеческих толп, заставляя нас роптать на этих некогда деревенских улицах. Но рой вот-вот встанет на крыло, вернее,

на колесо, что примерно одно и то же, поскольку возросшие возможности горизонтального передвижения можно сравнить с умением летать. Заветная мечта человечества вот-вот осуществится.

С появлением автомобиля и других связанных с ним изобретений горизонт индивидуума неизмеримо расширился. Важно не только то, что перемены привели к появлению новой меры пространства. Еще важнее, что изменившиеся требования к пространственной организации, которые теперь ориентируются на водителя в своем автомобиле, меняют самого человека. Сегодня подъем на лифте высоко в небеса лишь демонстрирует человеку, как далеко он сможет в скором времени продвинуться по земле. Именно вид горизонта соблазняет его отправиться вдаль, и если у него есть средство передвижения, его уже не удержат. Такое средство у него есть — автомобиль, — и горизонт распахивается перед ним все шире по мере движения.

Это физическое ощущение свободы меняет человеческий характер.

В момент обретения свободы эгоистические интересы человека еще вполне могут продолжать приумножаться, загоняя его без всякого смысла в башни из каморок — *ad infinitum*. Все еще в потрясении от собственной новой свободы, горожанин чувствует себя словно выращенная в неволе птица, для которой вдруг распахнулась

дверца клетки. В какой-то момент — и скоро — он поймет, что умеет летать, что свободен. И улетит.

В конце концов, ведь он сам и есть город, не так ли? Тогда город будет двигаться вместе с ним туда, куда он направится. А направится он туда, где сможет наслаждаться всеми плодами, которые городская централизация когда-либо дарила ему, добавив к ним безопасность, свободу и красоту земли, которая будет принадлежать ему самому.

То есть горожанин отправляется за город на машине и при помощи машин в самом широком смысле слова. Именно они откроют перед ним возможность стать более совершенным горожанином в более совершенном городе и более совершенной стране.

***

Что же до транспортной проблемы, задумайтесь о том, что современный город — это примерно одна десятая от автомобилизованного города будущего (если сделанные машинами предсказания относительно зависимости человека от машин когда-нибудь сбудутся). Сегодняшняя увлеченность человека машинами должна будет выразиться в количестве автомобилей; или горожанин выберет подобие полета, или же он — просто недоумок. Или безумец. Все больше горожан уже имеют автомобиль, а если и нет, то мечтают его иметь, завидуя соседу — обладателю одного, двух или трех.

Если сегодня заторы в железных тисках уличной решетки — это крестная мука, то что же это будут за «железные тиски», когда через несколько лет «успех» — неизбежно! — в разы приумножит транспортные потоки?

Можно грубо прикинуть, какое количество автомобилей «успех» эры машин будет означать для чрезмерно разросшегося города населением порядка, скажем, шести миллионов. Примерно половина от этого числа — количество частных автомобилей; возможно, одна двадцать пятая — грузовиков и машин доставки; одна пятидесятая — автобусов, которыми заменят трамваи с их рельсами и вредную для здоровья подземку; одновременно тысячи такси будут кружить по улицам. Если каждому пересекающему решетку улиц транспортному средству выделить достаточно пространства (при условии, что продвижение вперед вообще будет возможно), то поток транспорта заполнит перегруженные городские артерии до уровня десятого этажа.

Если учесть все перекрестки уличной решетки, выходит, что каждая улица будет лишь вполовину эффективна, а значит, высота потока вырастет вдвое и машины нагромоздятся друг на друга выше самих небоскребов. Назовите это преувеличением и поделите на два, а потом, если уж вы такие смелые, еще раз на два. И все равно при том уровне прироста, который обеспечит «успех», этого будет достаточно, чтобы

Манхэттен и другие подобные места были навечно обездвижены местными и транзитными автомобилями на улицах, эффективных в лучшем случае на пятьдесят процентов из-за перекрестных потоков транспорта в городской решетке.

При этом не будем забывать, что пришествие автомобиля в города только началось. К чему же тогда сооружать двух-, трех- или четырехуровневые улицы за миллиарды долларов лишь для того, чтобы привлечь еще больше машин и в конце концов неизбежно потерпеть поражение?

Почему бы не позволить горожанам потратить те же миллиарды, которые им пришлось бы заплатить за сооружение многоуровневых эстакад, на покупку большего количества автомобилей, чтобы убраться прочь из города и взять по максимуму от более естественной и плодотворной жизни, по мере того как личная свобода будет снисходить на горожанина? По мере того как новая свобода — согласно нашему идеалу — будет снисходить на горожан, потребность в городе исчезнет благодаря тем самым техническим изобретениям, что воздвигли его.

Да, демократия означает свободу для граждан, достигнутую с помощью техники, при условии, что техника работает на гражданина. И что же теперь помешает техническому прогрессу служить людям добровольно, как раньше он служил по принуждению?

Позвольте повторить: монархия была идеалом централизации. Любой элемент — в отсутствие всякого уважения к индивидуальности — был обязан вращаться вокруг общего центра. Демократия же — это идеал целостного подхода. Множество элементов, каждый из которых сам по себе свободен, достигают высот индивидуального развития и взаимодействуют на свободных основаниях.

Вспомните, что монархия пала. Она омертвляла демократическую индивидуальность. И наша капиталистическая система, если она и дальше будет оставаться формой централизации, обречена пасть по тем же причинам. Силы технического прогресса, участвовавшие в построении нашего сегодняшнего мира, естественным образом опережают его в развитии и оборачиваются против него, чтобы разрушить.

Центростремительная централизация — будь то город, фабрика, школа или ферма — вынуждена теперь противодействовать не только духовным силам демократии. Из-за транспортных проблем она противостоит и огромной нарождающейся мощи автомобильной эпохи, которая представляет для нее смертельную угрозу, — ведь сама логика всеобщей и вездесущей автомобилизации населения диктует увеличение площади и одновременное снижение плотности города.

По логике полета город должен исчезнуть.

По логике всеобщей электрификации город — нигде и везде.

В случае городов Американии централизация пережила свой золотой век, но он оказался недолгим. Само собой разумеется, централизация еще не умерла. Но уже сегодня нетрудно понять, что она больше не является ни необходимостью, ни роскошью. Повсеместная автомобилизация человеческого рода, возможность передавать на расстоянии мысли, звуки и зрительные образы делают город такой же раздражающей помехой для жизни, как статические разряды — для радиопередачи.

Уже сейчас благодаря новым возможностям передвижения в пространстве человек может извлечь из своего недавнего освобождения больше пользы, чем за всю предыдущую историю человечества. Только представьте, что ждет его в ближайшие двадцать пять лет!

Демократия, переосмысленная как системное взаимодействие небольших отдельных элементов с высоким уровнем индивидуального развития, — это практичный и рациональный идеал свободы в эпоху технического прогресса. Распад слишком разросшегося коммерческого организма на более эффективные мелкие модули и их распространение по всей территории страны сегодня оказывается ничуть не менее практичным. Как совершенно логично обосновал Генри Джордж, осуществляемое через налогообложение коллективное владение общественными ресурсами — это не обяза-

тельно коммунизм. Оно может быть абсолютно демократичным.

***

Таким образом, Акрогород — не просто единственный демократический город. Это единственно возможный город будущего. Преувеличенно растянутые вертикальные транспортные каналы, сталкивающиеся с перегруженными и узкими каналами горизонтальными; глубокие колодцы «дворов», разрушающие всякое уединение; подменные воздух и свет в конторах и жилых помещениях; уходящие ввысь ряды бетонных полов и каморки человеческого жилья — вот и все уловки домохозяина, которым нужно положить конец. Тут нет человеческого решения «транспортной проблемы», потому что во всем этом нет жизни. Есть только аренда. Что же до предлагаемых «модернизмом» усовершенствований, уединение там предлагается обеспечивать в герметично задраенных, лишенных окон зданиях, где нагретый воздух циркулирует между двумя стеклянными поверхностями — прозрачными или матовыми. Таким образом, энергия поровну расходуется на обогрев внутреннего и внешнего пространства — пятьдесят на пятьдесят, — притом что снаружи за этот обогрев никто и не подумает поблагодарить. Плотность 1000 человек на гектар (то есть на два с половиной акра) кажется делом не такого уж далекого будущего. И это на 990 человек больше, чем нужно.

Новая концепция роскоши

Никто не может предсказать, куда приведет нас свобода при должном использовании новых технических изобретений, разработанных за последние сто лет, и при должном использовании таких материалов, как сталь и стекло, в новом духе органической архитектуры.

Чтобы поставить современную технику на службу высоким целям и получить от нее все возможное для расширения жизненных горизонтов человека, потребуется развитое воображение.

Нам необходима новая концепция красоты и роскоши, которая должна естественным образом развиться прямо среди нас.

Простое и непосредственное приложение сил ради достижения своей цели — такова сегодня очевидная основа любого эстетического высказывания, которое будет вдохновляющим или продуктивным в нашем XX столетии. Роскошь эры технического прогресса будет состоять во все более и более адекватном участии машин (и разумном ограничении этого участия) в создании новых моделей новой жизни.

Но зачем пытаться строить здания, которые выглядят так же сурово, как машины? Ведь это означает, что сама жизнь сурова, как машина. Зачем путать чувственность с сентиментальностью, тем самым разрушая и то и другое? Современные здания долж-

ны обладать той гармоничностью, которой обладает любой хорошо сбалансированный механизм, однако подобная гармоничность, какой бы передовой она на данный момент ни была, есть прежде всего лишь фундамент красоты — обещание ее возможности. Техника, просто и непосредственно примененная для достижения цели, обеспечивает лишь базис архитектуры: доказано, что один и тот же простой технический элемент может быть повторен в процессе строительства или производства бесчисленное количество раз, однако управляемые творческим воображением руки мастера могут породить бесчисленное количество форм и их сочетаний.

Было также доказано, что жесткая стандартизация вовсе не является препятствием для еще невиданной доселе свободы самовыражения, — если под самовыражением мы понимаем подлинную индивидуальность, а не индивидуальную идиосинкразию. И эти два открытия есть великая хартия новой свободы, которой архитектор теперь может воспользоваться при помощи технических средств; он может въехать в мир современной архитектуры на собственном автомобиле. Человек может теперь поселиться в более органичном ансамбле из более органичных зданий в более органичном Акрогороде XX века.

Еще неведомый для горожан, этот город уже начинает строиться там, где ему и место, — на земле.

Только близорукой заинтересованностью можно объяснить отрицание того, что в свете наших новых возможностей существующий город ограничивает свободу передвижения, препятствует распределению благ, мешает производству и создает дополнительную нагрузку на семейную жизнь. А ведь семья несет в себе зерна будущего! Транспортная проблема — это не симптом успеха города, а доказательство его провала. Измените условия владения землей, так чтобы она стала доступной для тех, кто может с толком ее использовать, — и город нового типа начнет расти быстрыми темпами. В противном случае он будет расти медленно и с большими трудностями. Какую же концепцию можно в таком случае считать современной? Какая концепция способствует естественным изменениям, которые и составляют суть прогресса?

Какая современная концепция предлагает выход?

Ну, очевидно, не та устаревшая концепция, которая превратила наши американские города в триумф домовладельца.

И уж конечно, не та устаревшая концепция, которая обрекла на нищету наши сельские районы... а теперь предлагает им свою «помощь»?

И разумеется, не та устаревшая концепция, которая превращает американскую

Бесплодный узор. Город настоящего

молодежь в армию белых воротничков и выталкивает ее в город на поиски работы — работы, которую можно выполнить одной левой.

И уж точно не та устаревшая концепция, которая превращает нашу экономическую систему в узаконенную экономику «твердой руки», которая вынуждена иногда ослаблять хватку для «передышки», в то время как мы все скатываемся к полному истощению посреди изобилия.

Невозможно также представить, чтобы это была та же самая устаревшая концепция, которая пыталась достичь свободы посредством деспотизма законов, не опирающихся ни на фундаментальные свойства экономики, ни на особенности нашего духовного идеала. Результатом были только вечно повторяющиеся примеры бессмысленной политической трусости или лживости: очередное сползание к бессилию или же катастрофическому обострению централизации, от которых гибли все предыдущие цивилизации.

***

Эта же устаревшая концепция превратила ту форму централизации, которую мы называем большим городом, в своего рода заговор против человеческой свободы точно так же, как она превратила американскую архитектуру в дурное поверхностное украшательство. А вот из совсем недавнего —

типичный, хотя и частный пример подобного бессилия: в 1933 году нам в пятый раз предлагают для прославления нашего величия все ту же старую Колумбову выставку* 1893 года, лишь с небольшими косметическими переделками, которые выдают за прогресс.

Эта же устаревшая концепция, как мы теперь видим, вознаграждает прежде всего самые низкие свойства характера и манит человека всегда маячащими где-то впереди привилегиями частной собственности, которые превращают в форму собственности его самого.

Эта же устаревшая концепция продолжает штамповать из людей предметы собственности в интересах собственности или же ломает их вовсе.

Эта же устаревшая концепция велит нашим университетам лишать американское юношество всякого имевшегося у него прежде разума, швыряя книги в молодые головы и превращая их тем самым в бессмысленные наборы инструментов.

Эта же устаревшая концепция делает банкира пугливым профессионалом стяжатель-

* Неоклассические павильоны и ландшафтный дизайн территории Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго (1893) оказали большое влияние на архитектуру и планы реконструкции американских городов, положив начало движению City Beautiful, с которым активно полемизировал Райт. Последующие американские всемирные выставки (1904, 1915, 1915–1917, 1933) стилистически следовали первой, причем выставка 1933 года снова прошла в Чикаго, в тех же самых, лишь немного отремонтированных павильонах.

ства, который наживается на обмане дня вчерашнего и предательстве дня завтрашнего.

Эта же устаревшая концепция замуравывает человека все в той же ловушке — среди безумия небоскребов, где сила техники выхолащивает его до плачевного состояния произведенного фабричным способом идиота, в то время как техника не может иметь никакой другой цели, кроме как помогать человеку и делать его свободным.

***

Касательно этой устаревшей концепции можно коротко сказать следующее: идея о том, что нечто, стоящее внимания человечества, может зародиться в результате заимствования чужих методов и чуждых представлений о формах, ошибочна. Мы же взрастили нашу молодежь и обустроили институты нашего общества как раз на основе невнятного пережитка такого чуждого для нас представления — идеала прежних языческих цивилизаций. Именно из него мы вывели претенциозную эстетику Америки, которую теперь пытаемся поверхностно применять. Все это — неорганично.

***

Но что же тогда есть концепция, которую мы называем современной?

Жизнь как органичная архитектура и архитектура как органичная жизнь. Расширение сферы применения суперматериалов

и могущества техники в духе сегодняшнего, а не вчерашнего дня — это современно.

И еще важнее: новая демократическая идея человеческой свободы, которая прежде всего заботится о жизни, о земле, о самом человечестве, — это современно.

Понимание достоинства и ценности индивидуальности ради индивидуальности (а не некоей частной идиосинкразии); каким бы древним ни был этот идеал, как основа жизни и искусства — он современен.

Внутреннее развитие как добровольная работа, воспитывающая в нас способность естественно выражать свою индивидуальность — об этом еще в древности писал Лао-цзы, но это современно. Современно в человеческом смысле, современно в смысле политическом. Прежде всего, современно в области образования; и становится — медленно, мучительно — современным в искусстве.

Подлинная простота, понимаемая как выражение органичной целостности во всех аспектах человеческой жизни, как и всегда, — только теперь в изменившихся внешних формах, — это современно.

Эта новая целостность открывает безграничные возможности для построения современной жизни в эпоху технического прогресса.

***

И современная архитектура наверняка будет способна понять гармоничность это-

го современного запроса на современную жизнь, на новый и более высокий в духовном смысле строй существования; будет способна различить эту высокую целостность в более пригодной для жизни простоте, чем та, что по необходимости считалась достаточной основой архитектуры прошлого.

Новые, более широкие возможности сегодняшнего дня позволяют сделать жилье человека более просторным, вернуть в человеческую жизнь соответствующее понимание пространства. Они дарят нам Акрогород, сразу и весь. Современный город.

Если вы можете различить в уходящей вдаль автостраде горизонталь характерной для Американии свободы, вы увидите и современный город Американии, постепенно появляющийся из-за горизонта.

***

Ненавидеть пустую трату сил и энергии — это теперь современно. Как и с подозрением относиться к возможности перекладывать ответственность, которую навязывала человеку та бессмысленная, самовоспроизводящаяся бессодержательность, которую мы зовем городом.

***

Уже несовременно — строить разукрашенные гроты и соглашаться там жить, а также восхищаться перехваленными пещерами. Подобная суетность не просто

стара, хуже того — она теперь лжива. Из-за роста качества жизни все это — уже не просто чьи-то мелкие ухищрения, но помехи на пути прогресса.

Современно — верить в органичную простоту, искать ее, видеть в ней прекрасную основу для нашей эпохи технического прогресса.

Современная архитектура видит эту новую простоту, прорастающую из земли к солнечному свету — в противовес клетушкам, тесноте и норам в любом разросшемся сверх меры городе. Когда сам горожанин тоже начинает ее видеть, современный Акрогород становится для него реальностью. Он уже «на пути» в Акрогород.

Современная архитектура

Современная архитектура воспринимает жизнь сквозь призму этого будущего города, а вот модернизм — нет.

Тем не менее стены как монолитные поверхности исчезают повсюду, где здания строят со смыслом.

Тяжелые монолиты строительных материалов с выдолбленными в них жилыми пещерами постепенно уходят в прошлое вместе с крепостями, оберегавшими могущество сословия феодалов, — словно тени.

В сегодняшней Америке ни один свободный человек больше не должен «хоронить-

ся» или «отсиживаться» ради собственной безопасности в каком-либо здании или убежище какого-либо города. Наша страна, несмотря на все «корыстные интересы», постепенно становится настолько свободной, насколько ее должен в итоге естественным образом сделать свободной наш собственный идеал. Я вижу, что все имеющиеся у нас властные и материальные ресурсы используются в сегодняшних Соединенных Штатах для реализации этого идеала свободы. Какую нужду мы еще имеем в рабах и хозяевах — пусть и замаскированных? Или в крепостных и помещиках? Зачем нам продолжать имитировать эту преувеличенную феодальность каменных укреплений из канувших в прошлое времен людской вражды, как бы она ни называлась на языке городских властей и для каких бы целей они ни считали подходящим подобное украшательство.

В по-настоящему современной ситуации, то есть в условиях подлинной демократии, ни один человек не обязан жить словно дикий зверь — как люди вынуждены были жить когда-то. Сегодня каждый может жить свободно, быть тем, кем всегда мечтала быть лучшая часть его души и кем, как засвидетельствовал наш эксперимент, он в итоге сможет-таки стать.

Таким образом, современная архитектура просто заново интерпретирует наш собственный идеал человеческой свободы и естест-

венным образом ищет открытости, легкости, силы и простора. Все это так безупречно логично, что, идя своим путем, современная архитектура непременно должна сперва рассеять элементы больной городской среды по окрестным территориям, а затем — подобно тому как организм обходится со спонтанно пораженными тканями — всосать их в систему циркуляции здорового организма, то есть всей страны.

Дар современности — стекло; дар современности — преднапряженная арматура; дар современности — электромагнетизм как отрасль науки. Все эти дары открывают для нас новую эру, стоит нам начать использовать их согласно древним принципам, но в свете нового понимания формы. Эти естественные факторы новой человеческой свободы так просты и фундаментальны, что все они уже сейчас находятся в распоряжении горожанина. И если горожанин примет их, как есть, они приведут его к современной жизни.

Странствовать по воздуху и по земле и при этом жить так, чтобы ничто не заслоняло ему обзора; жить, соотнося себя с родной землей и со всем, что земля по-прежнему должна для него значить, — все это горожанин может уже сегодня.

***

Архитектурные ценности — это человеческие ценности или не ценности вовсе. Лю-

бое подлинно современное здание рождается из органичной целостности и олицетворяет собой, как и сам современный город, сопротивление централизации в любой ее форме. И здание, и город теперь тянутся к солнцу и принимают его — или они несовременны. Само здание может быть световым столбом, сверкающим на солнце. При этом и город, и здание будут противостоять и времени, и непогоде ничуть не хуже, чем прежде.

Стены современных зданий могут стать не менее надежной защитой для того личного пространства, которое будет желательно или необходимо для человека, но, возможно, эта защита будет соткана из произведенных фабричным способом прочных сеток из легких металлов — паутины бирюзовых, синих, зеленых, золотых, серебряных или темно-бронзовых оттенков. Или же, наоборот, здание будет выглядеть как единое целое, как совокупность взаимосвязанных сценариев свободной жизни.

Однако органичная архитектура совершенно точно требует предоставления земли на справедливых основаниях тем, кто сможет обращаться с ней как с подлинной человеческой ценностью (каковой являются все природные стихии). Освободившись от тирании «удачного участка» (о какой бы территории ни шла речь), здание сможет непринужденно стоять в гордом одиночестве, или без ограничений тянуться по горизонтали, или как угодно низко стелиться, лениво рас-

текаясь по плоской вершине холма или по его склонам. Любое здание — общественное, частное, промышленное — может теперь быть световым столбом или лучиком света, заключенным в металлическую сетку, как музыка — в нотный стан. Но что такое архитектурное сооружение без тесной связи с землей? Не более чем ловушка для человека или ухищрение домовладельца.

Как и сама жизнь, органичная архитектура не может более позволять человеку отползать назад к сомнительному, бессильному прошлому, в упор не замечая те силы, которые разрушили это прошлое, и те новые конструктивные силы, что пробудились для нас в эру технического прогресса.

Почему наивная, продиктованная преданностью вера в схоластические постулаты сентиментальной академической культуры выражается для человека лишь в тусклых отсветах феодализма?

Почему он должен и дальше испуганно потворствовать академической «корысти», которая уже в наше время предала его жизнь, исказив в сентиментальном духе все благородные традиции? Лишь современная архитектура верна традициям.

Архитектор

Америка не может позволить себе верить в то, что великое искусство, которое могло

бы предложить ее интерпретацию, при смерти. Самым адекватным — и, возможно, единственным — интерпретатором, который сегодня может указать нам путь, является современная органичная архитектура. Прочие искусства еще не очнулись от дремы, хотя с недавних пор и они подают некоторые признаки пробуждения.

Мы обязаны верить в нашу страну, что означает верить в то, что древние силы, возводившие великие цивилизации на погибель, по-прежнему действуют и могут построить еще более великую цивилизацию — для жизни. Мы знаем, что древние города погибали, потому что следовали за чуждыми идеалами чуждой жизни, которая подавляла и иссушала ту жизнь, что была в них самих.

Однако мы также знаем, что та же человеческая воля, что стояла за этими городами, сегодня оказалась бесконечно усилена мощностью машин и способна возвести для нас новый город, который будет вечно существовать в формах новой архитектуры более высокого идеала на основаниях обновленной жизни.

Этот «новый» идеал, который на самом деле существовал в сердцах людей уже две с половиной тысячи лет, наконец лег в основу наших великих Соединенных Штатов. Это эксперимент. И если эксперименту суждено увенчаться успехом, этот союз должен теперь перейти от идей централизации, то есть идей монархических, к демократиче-

ским идеям индивидуальности и целостности. То есть к более полной жизненной свободе индивидуальной личности, крепко укорененной на земле; и именно такую жизнь можно будет вести в Акрогороде.

***

В Акрогороде — центре современной архитектуры — каждая отдельная семья будет жить в своем собственном доме, который куда лучше, чем дома в нынешнем городе, будет связан с транспортом, системой распределения и общественной жизнью. В сельской местности семья будет наслаждаться такой свободой и таким богатством жизненных впечатлений, которые прежде не мог ей предложить ни один город, поскольку не имел ничего подобного.

Таким образом, нынешний город, в котором феодальные условия и феодальное мышление претерпевают изменения только для того, чтобы соответствовать коммерческой логике, ничего не может дать горожанам, — даже тем из них, кто живет по законам коммерции, — поскольку централизация одряхла в отсутствие нужной для своего возрождения энергии. Такая живучесть города средневекового типа — единственного, который у нас есть, — лишь способствует, как исстари заведено в таких городах, лишению человека принадлежащего ему по рождению права на свободу — свободу, недоступную пониманию верховных

служителей нашей культуры, которые распевают в честь узурпаторов власти притворные славословия на лживом языке, невнятном прежде всего для самих исполнителей. Очевидно, что эти песнопения сегодня звучат мимо нот: и пение фальшиво, и сами певцы начинают осознавать эту фальшь по мере того, как бессилие медленно охватывает горожан. Бессилие — это цена ошибки, в результате которой человек принял искусственную мощь машин за свою собственную. Бессилие — это расплата за фальшивую работу и привычку к искусности вместо искусства.

Во имя «большого бизнеса» «великая» централизация потребовала от человека фальшивого искупления — отказа от способности творить. Бессилия.

Истинное искупление

Когда человек наконец возьмется за строительство дома, общества, жизни как самостоятельная личность, вдохновленная природой в современном глубинном смысле; когда он приучит свое собственное воображение видеть суть жизни, как архитектор приучает свое воображение видеть суть стекла, суть стали, суть времени и суть пространства; когда он захочет быть собой в гармонии с природой, как деревья в лесу или трава в поле, — только тогда человек как

гражданин достигнет высот в коллективном бытовании цивилизации и, добившись превосходства над всем вокруг, не преминет обогатить общую жизнь ради своего же блага. Верить в это — значит верить в демократию. Человеческие ценности состоят в том, чтобы даровать жизнь, а не отнимать ее.

Общее представление об Акрогороде будущего на основе новой меры пространства

В городе вчерашнего дня землю мерили квадратными футами. В городе дня завтрашнего землю будут мерить акрами: по акру на семью. Это может показаться скромным наделом, если учесть, что все обитатели планеты, встав плотными рядами, не заняли бы даже территорию самого крупного острова Бермудского архипелага. Только представьте, что в границах наших собственных Соединенных Штатов на каждого мужчину, женщину и ребенка приходится более пятидесяти семи акров земли.

При распределении по одному акру на семью архитектура будет служить не арендодателям и домовладельцам, но каждому человеку — как органичная часть его земельного участка. Архитекторы перестанут производить лишь коммерческую архитектуру, приспособленную для продажи и перепрода-

жи по счетчику; не будет больше тесных клетушек, порожденных конкуренцией за квартиросъемщика.

Земля есть сущностное основание для нового города новой жизни.

***

Сегодняшние автомобили имеют форму неказистую и подражательную по сравнению с разнообразием форм тех прекрасных средств передвижения, выпуск которых производители в скором времени захотят (или будут вынуждены) наладить.

Летательные аппараты — это пока еще непривычная роскошь. Из-за своих крупных размеров они неуклюжи, а огромные крылья, имитирующие строение птицы, делают их заложниками произвола стихий. Эволюция совершает тут еще не более чем самые первые шаги.

Передача на расстоянии изображения и звука находится не просто на стадии эксперимента, но еще во младенчестве, как и интеллект, которому доверено ею управлять.

Мы справедливо гордимся огромной сетью автострад, транспортной системой страны. Но и эта система еще во младенчестве. Мы только начинаем строить скоростные дороги.

Однако как бы ни была молода наша дорожная сеть, не требуется богатого воображения, чтобы увидеть в этой великой авто-

страде, в мощи новых машин и материалов, — новое направление человеческой деятельности, к которому каждый сможет присоединиться не только ради приключений или из любви к природе, но ради более безопасной, более разумной и менее тревожной жизни среди разумных, достойных и свободных людей. В результате изменения наших отношений с пространством мы будем жить дольше и счастливее.

Каждый человек, получив наконец полагающийся ему акр или около того земли, будет уверен в благополучии для себя и своих близких и наверняка найдет какой-нибудь вселяющий бодрость способ прикоснуться к прекрасному.

Не только сам город является ограничением и помехой для производства; ведущая к нему железная дорога слишком урезает свободу передвижения, слишком дорого обходится в своей неповоротливости и слишком медленно работает. Недалек тот день, когда придет конец и необходимым для централизации дальним и ближним перемещениям товаров взад-вперед, и использованию железных дорог для массовой перевозки пассажиров.

Представьте себе широкие, комфортабельные, огибающие жилые районы автострады без железнодорожных переездов; свободные от ставших уже сейчас архаичными столбов и проводов телеграфного и телефонного сообщения, от кричащих реклам-

ных щитов и устаревших зданий. Представьте себе эти монументальные и безопасные шоссе, тщательно рассчитанные по ширине и уклону, расцвеченные по обочинам яркими цветами, осененные прохладой деревьев. Через равные промежутки вдоль них обустроены взлетные полосы, с которых взлетают и куда приземляются безопасные, бесшумные транспортные аэропланы. Эти гигантские дороги — сами по себе великолепные памятники архитектуры — проложены мимо общественных заправок, которые уже не раздражают глаз, но предлагают теперь все возможные услуги и удобства. Дороги соединяют и разграничивают, разграничивают и соединяют различные модули — фермы, фабрики, придорожные рынки, утопающие в зелени школы, жилье (каждый дом на своем, по своему возделанном и обустроенном акре земли), места развлечений и отдыха. Все эти модули организованы таким образом и находятся в такой взаимосвязи друг с другом, что каждый гражданин будущего имеет доступ ко всем типам производства, системам распределения, возможностям для индивидуального развития и развлечениям — и все это на расстоянии до ста пятидесяти миль от дома, которое можно легко преодолеть на личном автомобиле или аэроплане. Эта гармоничная целостность и есть тот великий город, который, как я предвижу, охватит собой всю страну, — Акрогород будущего.

Именно потому, что каждый человек будет иметь по акру родной земли, архитектура станет служить ему непосредственно, создавая соответствующие новые дома — не только в гармонии с конкретным участком, но и в согласии с индивидуальным образом жизни конкретного человека. Не будет нужды в двух одинаковых домах, двух одинаковых садах, двух одинаковых фабриках; ни одна из ферм площадью от трех до десяти акров не будет похожа на другую. Никому не понадобятся особые «стили», но стиль при этом будет ощущаться повсюду.

Легкие, прочные дома и пространства для работы будут строиться надежно и с уважением к природному окружению — от земли к солнцу. Фабричные рабочие будут жить в своих акромодулях на расстоянии пешей прогулки или короткой поездки от будущих фабрик — прекрасных, бездымных и бесшумных. Фермер больше не будет завидовать техническим достижениям, которыми пользуется горожанин, а тот, в свою очередь, не будет завидовать его «вольным хлебам».

Все дома и фермы будут находиться в радиусе десяти миль от большого и богатого товарами придорожного рынка, так что они смогут обслуживать друг друга эффективно и без сложностей, удовлетворяя потребности одной части окрестного населения в том, что производит другая. Не будет больше необходимости мчаться в какой-

нибудь общий для всех центр, а затем мчаться обратно, превращая жизнь в крестную муку — лишь бы всего было побольше и все было «масштабнее».

Не может быть человеческой жизни без воздуха, солнечного света и земли. Повседневная жизнь будущего будет соответствовать этому принципу, с которым все мы постепенно начинаем соглашаться. Не отвергая современных удобств, она сохранит также и те известные истари удобства, которые являются залогом здоровья. Сталь и стекло будут использоваться в соответствии со своим предназначением: сталь ради прочности, долговечности и легкости: прозрачное стекло, обрамляя внутреннее пространство, позволит создать частное уединение и при этом чудесным образом раскрыть домашнюю жизнь солнцу, небу, окружающему дом саду. Дом станет садом, а сад — домом.

Высокие здания не будут запрещены, однако в отсутствие внутренних дворов они будут свободно выситься среди зелени естественных парков. Многоквартирный дом, находящийся в коллективном владении, сможет достигать, скажем, восемнадцати этажей в высоту. Этаж за этажом на солнце будут сиять гигантские стеклянные стены-экраны в рамах из блестящей стали или меди. На каждом уровне — украшенная цветущими и вьющимися растениями терраса, играющая всеми цветами радуги. И все

это — среди щедрого разнообразия великолепного паркового ландшафта.

Принципы архитектуры — это попросту принципы жизни. Как дом не может устоять на шатком фундаменте, так и жизнь, выстроенная на шаткой основе в необустроенной стране, не сулит постоянства. Качественная, долговечная архитектура дарует нам или признает за нами право жить в достатке среди изобилия, которое есть красота, — в том смысле, в котором слово «изобилие» понимал Уильям Блейк*. Он не имел в виду избыток. Он имел в виду естественный, щедрый достаток. Таким образом, счастливая и долгая жизнь также дарует нам это право. А единственный надежный залог такой жизни — это просвещенная личность, которая со всем пониманием (а не просто бездумно следуя чужому примеру) принимает органичную взаимосвязь между благосостоянием одного и благосостоянием всех. Только такая личность достойна постоянной и всеобщей гармонии, только она способна ее создать.

Любая качественная архитектура и любой цивилизованный архитектор будущего должны во все времена оставаться современными, потому что жизнь постоянно меняется, создавая потребность в новых формах, в которые она может быть заключена и через кото-

* «Изобилие есть красота» — одна из «Пословиц ада» Блейка (1790).

рые она может быть адекватно выражена — без излишества и с любовью к красоте.

Повторим без обиняков: ценности архитектуры — это человеческие ценности или не ценности вовсе. Смысл человеческих ценностей в том, чтобы давать, а не отнимать жизнь. Когда человек рад строить лишь для себя одного, отнимая у соседа его естественные права на жизнь, широту обзора, свет и простор, у него получается лишь какое-нибудь уродство вроде слишком много о себе возомнившего небоскреба. Такое здание некоторое время высится среди деловых трущоб, возникших из-за его собственной жадности, надменно отбрасывая тень на соседей; но спустя некоторое время выясняется, что оно само зависит от их успехов, а их неудача оказывается и его неудачей.

Какую жизнь тот сборщик податей, которым стал современный город, может предложить достойному горожанину теперь, когда горожанина дожидается у порога автомобиль, а великая сеть американских автострад манит его вдаль?

Голоса и образы повсеместно проникают сквозь стены, чтобы развлечь его и снабдить информацией, где бы он ни был, даже в дороге. Куда бы он ни отправился, где бы ни решил пожить, все необходимое будет доставлено ему без промедления и удобным для него способом. Я представляю себе его дом как современное, гигиеничное, ком-

фортное пространство для жизни, принадлежащее ему независимо от того, где он находится или где хотел бы находиться, и доставшееся ему так же недорого, как и его автомобиль, — ценой всего нескольких часов упорного труда с помощью машин. Я представляю себе и расположенную неподалеку в сельской местности фабрику, разделенную и управляемую так, чтобы соответствовать человеческим пропорциям. Не нужно тратить время на бесконечное шныряние с работы и на работу — это время, потраченное впустую; его лучше с толком потратить на новую индивидуальную централизацию, которая только и является подлинной потребностью, или великой роскошью, или же ценнейшим активом человека, — на его собственное многообразное и современное жилище.

Это жилище, как я представляю, находится неподалеку от различных модулей-ферм, которые могут в любое время доставлять на придорожные рынки свежую еду для проезжающих мимо покупателей.

Я воображаю, что путешествия будут роскошью и удовольствием для горожанина и его семьи; и в какие же прекрасные места они смогут отправиться! Я вижу его детей, идущих в маленькие и совсем крохотные школы, стоящие среди парков, превращенных в игровые площадки, в то время как родители живут своей частной жизнью (которая обогащает жизнь коллективную уже

самим качеством их индивидуальности) среди красот бытия, то есть среди уместной роскоши и здравого смысла высшего порядка.

Транспорт, здания, да и вся жизнь находятся тут в доверительных пространственных отношениях с землей. Все соотносено со всем, и каждому дается по его склонностям, по его потребностям, по его любви к жизни. Леса, водные протоки, горы, гряды холмов, великие равнины — все это святилища, красота которых подлежит защите. Архитектура и земельные наделы теперь понимаются как часть единого ландшафта.

***

Воображение есть проявление божественного в человеке. Оно одно делает человеческое стадо особенным, уберегая его от той участи, что постигла все прочие стада людей и животных. Все это ведет к построению новой цивилизации с особой архитектурой, которая поставит себе на службу машины и обозначит более благородные цели человеческого существования.

Архитектура и земельные наделы как часть ландшафта

Архитектуру Акророда самым естественным образом определяют природные особенности и характер территории, на ко-

торой этот город будет построен и неотъемлемой — если не сказать органичной — частью которой он станет.

Элементы архитектуры и природы будут гармонично дополнять друг друга. Именно поэтому два архитектурных фрагмента никогда не окажутся тут совершенно одинаковыми; разве что город выстроят на лишенной выразительных особенностей рельефа равнине — возможно, по-своему тоже красивой, — которая не проиграет от повторения одного и того же формального приема. Однако акрогорода редко будут строить в подобных местах, поскольку градостроители с их врожденной страстью к красотам природы станут искать местности живописнее. В органичной архитектуре огромное разнообразие форм будет естественным образом проистекать из топографического разнообразия, которое будет неизбежным, поскольку оно соответствует логике градостроительной мысли, возводящей новые города.

Архитектуре XX века суждено соединить различные аспекты строительства и дизайна, создать каркас, фон и материальное воплощение эры технического прогресса. Поскольку архитектоника — это самое важное в живописи, скульптуре, музыке и даже в самой жизни, архитектура есть сущностная основа всего.

И если гармоничная взаимосвязанность всех частей — по сути высочайший идеал красоты — будет определять жизнь в XX сто-

летию, то архитектура снова станет играть ту же роль, что отводилась ей в древности.

Именно поэтому различные аспекты Акрогорода, которые мы вскоре опишем более подробно, преимущественно и сущностно связаны с архитектурой. От дорог (его вен и артерий) и зданий (его клеточной ткани) до садов и парков (эпидермиса и волосяного покрова) — новый город будет сплошной архитектурой.

Пришло то время, когда человек во всей своей целостности должен воплотиться в творческой идее города — города, такого же свободного и органичного, каким сам человек является и каким пребудет в собственных устремлениях и свободных институтах, в точке осуществленного им слияния природы внешней и природы внутренней.

Таким образом, в Акрогороде вся страна становится выражением человеческой природы и самой жизни человека на земле средствами органической архитектуры. Возможности для этого естественного самовыражения человека будут безграничны прежде всего благодаря разумному и умеренному использованию его мощнейшего инструмента — машины.

И все же именно ландшафт определит форму и даже стиль зданий в Акрогороде, так что, только внимательно взглядевшись, можно будет понять, где кончается земная твердь и начинается архитектура. Главенство ландшафта сделает разнообразие в единстве бес-

предельным. Сам архитектор, твердо следуя собственному идеалу органичного единения, будет в состоянии куда лучше использовать те возможности, что откроют ему новые материалы и новые технологии. Постоянно растущее мастерство профессионала-ремесленника наряду с его стремлением к целостной жизни превратят новый город, который полностью поглотит старый, в великое произведение искусства — во всех смыслах. Раздробленность пространства и обезображенная природа, повсеместно раздражающие нас сегодня, уже не будут считаться чем-то объяснимым и оправданным. Никакого механического визга, дыма, лязга. Никаких вопиющих уродств, возведенных сверхпродавцами в их борьбе за столь желанное для них внимание покупателей. Ничего этого уже не будет.

Главные автострады и второстепенные дороги, озера и реки

Духовно переродившись, архитектор первым делом вступит на нетронутую еще территорию как специалист по строительству дорог. Главная автострада и асфальтированные дороги местного значения — это теперь архитектурные элементы огромной, если не первостепенной важности. Такая новая расстановка приоритетов отражает совершенно

Пологие спуски, виражи с достаточными уклонами, правильно рассчитанные обочины и кюветы, с умом засаженные характерными для данной местности растениями, могут быть необыкновенно живописны. Приятные глазу, динамичные линии автострад, пересекающие равнины и взбирающиеся на холмы под безопасными углами, везде, где бы они ни появлялись, станут важнейшими элементами пейзажа. То же самое относится и к приятным на вид, точно выверенным элементам обеспечения безопасности движения, и к хорошо спроектированным водостокам и мостам. Там, где высокие бетонные парапеты были бы неуместны, по обеим сторонам дороги на каждом повороте нанесут прерывистые линии. Для защиты от снега вместо неприглядных противоснежных заграждений вдоль обочин насадят группы вечнозеленых деревьев. Местная растительность равномерно покроеет все откосы и придорожные канавы, и это будут не те знакомые нам комбинации самых разных кустов и деревьев, которые называют «ландшафтной архитектурой», но посадки какого-то одного растения, которое будет менять цветовые оттенки вместе со сменой времен года.

В новом городе все асфальтированные дороги будут иметь не менее трех полос. Главная автострада — не меньше шести. Заправочные и сервисные станции построят среди пышной зелени в удобных для этого

местах около важнейших перекрестков. Строительство дорог и озеленение (и в инженерном, и в архитектурном плане) будут, разумеется, осуществляться под контролем государства при участии самых лучших архитекторов, ландшафтных дизайнеров и инженеров-конструкторов, которых только может позволить себе штат, или вся страна, или даже вся планета. Каждому участку будет уделено особое внимание тех, кто отвечает за все в целом.

В процессе озеленения, строительства дорог и мостов характерное для архитекторов развитое чутье на гармоничную «целостность» будет совершенно необходимо для поддержания единства всего проекта — и потому этим чутьем будут руководствоваться все разработчики.

Для города будущего нет более важной задачи, чем заинтересовать строительством дорог лучших архитекторов мира. Они должны разглядеть в дорожном строительстве великую архитектуру.

Римляне строили отличные дороги, которые сохранились по сей день. Однако с современным железобетоном и нашей новейшей техникой мы можем строить дороги куда лучше и долговечней, превратив их в объекты благородной современной архитектуры. Что может служить лучшим проводником культуры или цивилизации, чем безопасная, широкая дорога, которая сама по себе прекрасна?

По таким величественным магистралям, словно по венам и артериям, непрерывным потоком устремятся обитатели и строители Акрогорода XX столетия.

Озера и реки тоже станут доступными благодаря моторизации и сыграют немаловажную роль в развитии транспортных связей и обогащении досуга. Моторная лодка так же хорошо послужит освоению суши, как и налаживанию связей между водоемами и их прибрежными зонами.

Великий центральный вокзал

Тот тип централизации, что выстроил грандиозный железнодорожный вокзал как ворота в старый город, скоро исчезнет. Перебор, чрезмерность в любой форме будут оскорблять общество или вызывать у него скуку. Вместо нескольких крупных станций будет построено множество мелких, поскольку помпезные вокзалы будут уже невозможны, да и не нужны. С развитием авиации аэродромы окажутся связаны друг с другом маршрутами над теми участками, где раньше пролегали тяжелые рельсы старой, громоздкой железной дороги. Новый транспортный узел может оказаться совсем небольшим (опять же, таких будет с десяток вместо одного) и возникнет там, где того потребуют соображения удобства. Крупные терминалы и склады будут нужны только

в пунктах сортировки импортируемых или экспортируемых товаров. В основном, конечно, товары будут передаваться напрямую из рук в руки, или доставляться с фабрик и ферм в частные дома, или от производителя — экспортеру, или от импортера — на сортировочный пункт по основным автомобильным артериям, к которым все центры производства и потребления будут иметь непосредственный доступ. Товары больше не придется возить взад-вперед. Это потеряет всякий смысл, поскольку доставка будет производиться напрямую.

Повышенная концентрация грузов будет по-прежнему наблюдаться в портах и местах добычи ископаемых. Портовый город будет отличаться от находящегося в глубине континента; впрочем, каждый город будет отражением собственного уникального окружения и, соответственно, будет не похож на все остальные.

Индивидуальные особенности городов будут естественным образом развиваться и усиливаться, за исключением тех случаев, когда стандартизация и массовое производство окажутся действительно выгодными для нужд населения и потому изменят основу городской ткани. Однако работа ткача требует не меньше воображения и индивидуального подхода и на последнем этапе, когда в основу вплетаются нити утка. Так и город в конце концов должен будет обрести индивидуальность естественную, то

есть куда большую, чем все, с чем Соединенные Штаты сталкивались до сих пор. Именно это разнообразие индивидуальностей (а не претенциозность или академичная искусственность, как прежде) будет представлять интерес и привлекать своей неподдельностью — не только в городах, но и в людях. Это прозвучит странно, но именно эту человеческую индивидуальность Соединенным Штатам окажется сложнее всего поддерживать и развивать. Если судить по нынешнему положению вещей, мы ее уже практически потеряли, живя не своей жизнью, на которую зарабатываем не своим делом.

Энергетические модули

В Акророде топливо будут обязательно превращать в электричество прямо в местах его добычи или же получать электроэнергию из энергии воды. Полученное электричество будет затем передаваться от подстанции к подстанции и прямо потребителю. Таким образом, электрификация быстро станет повсеместной. Электричество, выработку которого наладят прямо в местах добычи, скажем по соседству с шахтами, плотинами или нефтяными скважинами, не просто будет конкурировать с другими источниками тепла и энергии для города, но и позволит вовсе отказаться от них всех — кроме нефти. Саму нефть тоже мож-

Притоки старого города

но будет использовать для производства электроэнергии.

Огромные электростанции — такие же чудеса современной инженерии, как и наши нынешние, — будут строить там, где имеются соответствующие природные ресурсы. Усовершенствованные методы передачи электроэнергии позволят прокладывать провода под землей, как сейчас прокладывают нефтепроводы, — с минимальными потерями в напряжении.

Бережное отношение к красотам природы подтолкнет к широкому применению уже известных нам беспроводных телеграфа и телефона, так что электрические столбы, опоры линий электропередачи и провода останутся лишь воспоминанием об исчезающем городе.

Совершенно очевидно, что на заре эры технического прогресса все эти громоздкие, примитивные конструкции, напоминающие грубо сколоченные леса на строительстве какого-нибудь благородного здания, беспощадно уродовали пейзаж. Однако насилие над природой прекратится, как только для передачи энергии и перемещения людей и грузов будут созданы более надежные и экономичные магистрали. Грубые приспособления, которые в наше время принято называть «сооружениями», уже убирают с глаз долой. Вместе со столбами, проводами и рельсами в утиль скоро отправятся железнодорожные насыпи, газгольдеры, уголь-

ные электростанции, ангары для поездов, паровозные депо, склады угля, лесопилки. В Акрогороде будущего не должно быть и не будет уродливых сооружений. Примитивные цели первого этапа эры технического прогресса достигнуты. Пора снять леса и явить миру истинный шедевр — цивилизованную культуру.

Органичная архитектура новых зданий

Теперь у нас есть примерное описание топографии, а также транспортной и энергетической структур нового города, к возведению которого уже приступила концепция интеграции и который начинает поглощать город, когда-то выстроенный централизацией. Основой нового города будет уже сейчас далеко зашедший рост подвижности населения, вопрос «транспорта».

Мы уже упоминали ту смену идеалов, которая позволит сделать новый город лучше и свободней при помощи новой концепции культуры, следующей за нашим идеалом свободы — Демократией.

Давайте теперь посмотрим, как сами здания — элементы этого строящегося города — будут вписаны в общую картину и воплотят эти новые идеалы в виде современной архитектуры с помощью последних достижений техники и новейших материалов.

Давайте посмотрим, каким образом новый пространственный стандарт, упоминавшийся нами как необходимый и актуальный уже сегодня, повлияет на организацию и генеральный план Акрогорода и как этот стандарт проявится в каждом отдельном здании. Новые формы для более качественного жизнеустройства: новая целостность личности как личности должна найти выражение в этих постройках.

Мы можем определить такую современную архитектуру как архитектуру для личности, чтобы отделить ее от, скажем, той попытки альтернативной классификации, которую называют «интернациональным стилем», или от любого другого наспех составленного, примитивного или совершенно неуместного рецепта создания архитектурного облика здания.

В любом проекте органичной архитектуры стиль есть выражение характера. Характер же есть выражение фундаментальных принципов. И только в этом смысле новый город будет иметь свой стиль — не навязанный какой-либо иной дисциплиной или появившийся в результате некоей умозрительной попытки классификации, но совершенно естественный. Архитектура и земельные участки будут теперь снова восприниматься как две составляющие ландшафта, как это всегда и было с лучшими архитектурными образцами. Если наши принципы окажутся жизнеспособ-

ными и мы будем с умом использовать новейшие технические средства и материалы, не упуская из виду конечной цели, то мы повсеместно начнем создавать архитектурные формы в «хорошем стиле» или — кто знает? — может быть, даже в «Стиле XX века», хотя об этом и не стоит особенно беспокоиться.

Важнее всего сейчас тот факт, что более человечный жизненный уклад требует более приспособленных для жизни зданий в контексте более приспособленного для жизни города. В наше время сделать все это более приспособленным для жизни можно самым естественным образом — при помощи современной техники. Эта новая концепция городского планирования и проектирования зданий любого типа немыслима без нового понимания пространства. Превышение стандартов пространственной организации перестали работать с наступлением всеобщей свободы индивидуального передвижения. Сегодня сила прогресса работает на человека, хотя, по правде говоря, он и добился этого с помощью опосредованной власти. Но эта власть будет принадлежать человеку по праву, если только он сумеет захватить ее, раздвинет с ее помощью рамки своего существования и соответственно увеличит собственные возможности. Если только он использует силу технического прогресса для достижения определенных целей и по недостатку ума не примет ее

за свою собственную и не погибнет, преувеличивая ее и используя ее несправедливо.

Чтобы так развиваться, человек обязан осознанно использовать технику для создания мира чистых и благородных форм, в котором можно будет жить новой жизнью (наступление которой неизбежно) в соответствии с новыми возможностями передвижения, физически расширяющими его горизонты.

Новый масштаб

Идея стандарта — разумеется, нового — для расчета параметров пространства уже несколько раз возникала на этих страницах: не человек, стоящий на собственных ногах или сидящий в повозке, в которую впряжена лошадь, но человек в автомобиле — вот новая мера вещей. Передвижение на автомобиле очень отличается от передвижения пешком или на гужевом транспорте. Такой новый стандарт становится общим для всех видов проектирования в процессе планирования нового города. Кроме того, чрезвычайно важно, что в обиход вошла и другая концепция, которая имеет прямое отношение к самому зданию: понимание жилых пространств как истинного смысла здания. Это совершенно новая концепция современной архитектуры, однако именно ее в качестве основополагающей подразумевает лю-

бой подлинный идеал демократии. И наряду с использованием стали и широкого ассортимента тонких, прочных, покрытых слоем теплоизоляции металлических листов возникает также и потребность в экономичном и разумном использовании этих новых материалов. Это потребность в просторных, без внутренних опор помещениях, защищенных от непогоды, но не от взгляда извне (кроме как по желанию их обитателя). И тут на помощь приходит такой суперматериал, как стекло.

Прежнее понимание архитектурного сооружения как надежного укрытия — или даже своего рода укрепления — становится неактуальным. Здание начинает восприниматься как часть ландшафта. Жизнь его обитателей оказывается как никогда близка к природе. Жесткие, четко прочерченные границы между пространством внутренним и внешним исчезают. Внешнее пространство может вторгнуться вовнутрь, а внутреннее — выплеснуться вовне, и одно будет казаться частью другого. Эта смена парадигмы радикальна и ведет к появлению целого сонма новых эффектов.

Здание нового типа может быть так же свободно в пространственном отношении, как свободен сам новый город и как свободны новые для человека жизненные условия. Растущее осознание индивидуальности как органичного самовыражения человека в обществе — с этим стоит поработать.

Традиционные архитектурные формы будут только мешать новой свободе, поскольку все известные нам традиционные формы создавались для скученной жизни масс во времена, когда перегруженность городов еще не была таким беспримесным злом. Но в нынешних изменившихся условиях перенаселение есть чистое зло, которое вскоре станет невыносимым. Дело в том, что эта огромная и столь важная для искусства свобода строить красивые и практичные дома является теперь экономически оправданной. Экономика может быть теперь прекрасной. Экономическая оправданность и красота наконец-то становятся прежде всего человеческими и могут существовать в гармонии друг с другом.

Простота

Если нынешний город — это явная помеха современному образу жизни, то традиционная архитектурная форма не просто вредит зданиям, но и деморализует их обитателей. Мы задыхаемся от переизбытка деталей не только в интерьерах, но и в архитектуре — это такой же излишек излишеств, как и сам город. Только нашим промышленным зданиям нельзя предъявить подобные претензии. И больше всего мы страдаем от последствий того, что слишком узко и превратно понятая идеология частной собственности осно-

вана на совершенно неверных предпосылках. Алчная галка набивает свое гнездо, а коллекционер с его обезьяньей психологией прославляет всякое старье: точно так же следование принципу «владей и храни» возводит в предмет культа неорганический мусор.

Модный дом нашего времени — это не просто тяжеловесный куб из некоего строительного материала, в стенах которого пробиты отверстия в одном из популярных стилей прошлого. Параноидальной страстью к коллекционированию старины такой дом превращен изнутри в восточный базар или лавку старьевщика, где рухлядь собирает пыль и несчастье в тени тех самых стен.

На заре новой эры модный американский дом смотрится в ярком солнечном свете как гробница обессилевшей человеческой души. Желание управлять посредством нажатия кнопки или дерганья за рычаг нашло свое отражение в навязываемой нам извне тяге к неуместной роскоши. «Обладание» предстает в данном случае в самом низменном своем обличье. Справедливой расплатой за жизнь, сведенную к примитивной имитации, становится осознание собственной ущербности, которая по ошибке принималась за утонченность.

Устаревшие, изношенные стили — таким был предел представлений среднего домо-владельца о своих собственных возможностях в современном мире до тех пор, пока

гически, не увидел свои современные проблемы в новом свете и не принялся самостоятельно искать для них более органичное решение.

Начало новой жизни заключается для него в смысле слова «органичный».

Архитекторы и заказчики перепробовали все виды манерности и претенциозности. В моменты просветления, в самых лучших своих проектах они пытались обращаться к живописной простоте. Пусть же теперь они попробуют обратиться к простоте органичной или, скажем так, к простоте органической. Ощущение жизни как органичной архитектуры, или архитектуры как формы органической жизни — именно такое ощущение необходимо нам сегодня.

Отрицание как утверждение

Откуда и как придет это столь нужное нам изменение в образе мыслей?

Скорее всего, источником этого изменения станет то, что мы лучше всего понимаем: наши машины и механизмы. И вполне вероятно, что, обратившись к этому источнику, мы примемся имитировать машины в архитектуре зданий. Вдохновленные пароходами, автомобилями, аэропланами, холодильниками, ваннами и кухонными раковинами, мы первым делом прибегнем к простоте как к отрицанию.

Разве это отрицание является чем-то трагичным? Но и особой нужды в нем тоже нет. И опять все кончится лишь живописной простотой. Когда-нибудь мы обязательно поймем, что органичная простота отличается от подобного отрицания так же, как полевая лилия — от корыта или машинки для отжима белья. Однако для начала и этого достаточно: отрицание поможет расчистить горы мусора, которые осложняют нам жизнь.

Ванна современного горожанина куда ближе к истинной красоте, чем его нынешний разряженный дом.

Горожанину необходимо отречься от перегруженного вещами модного жилища в пользу нового — более простого, залитого солнечным светом. Поиск единения с природой в какой-то момент должен вылиться в поиск жизненных принципов. А жизнь по принципам в конце концов должна наполнить бессильного силой. И с не заглушенной еще в его сердце песней он начнет строить по заветам слагателей песен, согласно нуждам человека.

Нет, не все тут будет им соответствовать, но по крайней мере тот неизбежный просвещенный эклектизм, который будет окружать его, окажется еще на нашем веку ближе к жизни, чем все, что прежде создавала эклектика, пытаясь влиять на вкусы, — если только этот новый эклектизм не вырождается в ту же самую претензию на ис-

кусство, не присвоит себе, несмотря на отсутствие таланта, прерогативы творчества и не обесмыслит себя, пытаясь обесмыслить других. Однако отрицание — это хорошее лекарство, которое, весьма вероятно, поможет и самому факиру культуры, пробудив желание подлинной простоты если не в нем, то в намеченной им жертве.

Уходящий миропорядок оставил нам в наследство мелких торговцев, брокеров, «дизайнеров»-бизнесменов, декораторов и всяческих «истов», служащих посредниками между домовладельцем и строителем в их переговорах — за скромную плату, но с запредельным результатом. Все они заделаются «современными» эклектиками. И пусть. Вместо того чтобы громко взывать к внешней диктатуре вкуса (это лишь даст возможность оправдывать слабаков), нам следует признать главенство за глубоко органичным качеством человека — индивидуальностью, а вовсе не за его личными свойствами. Главенство это следует признать в философии, религии, искусстве и науке. Важно требовать, чтобы все аспекты жизни были органичными. Такая внутренняя дисциплина не только поможет нам покончить с жизнью среди нагромождений мусора, но и сметет этот мусор более развитым здравым смыслом, освобождая место для гиперчувствительности художника и творца. Художник — это тот, кто знает про общество больше, чем само общество. По самой сво-

ей природе он — бесхитростный интерпретатор всего лучшего, что есть в современном ему общественном укладе. И общество должно «уступить ему дорогу», распознав в нем своего предводителя.

В нынешнюю эпоху общество, похоже, опасается радикального сознания художника, поскольку все до одного его экономические и социальные ориентиры совершенно искажены и размыты, и все легко может погрузиться в хаос, если «твердая рука» ослабит хватку. Если бы термин «органичный» в его истинном значении попробовали в качестве эксперимента применить к мусорным кучам или к самим мусорящим, одного этого было бы достаточно, чтобы наставить Соединенные Штаты на путь, ведущий к более прекрасному и высокому порядку — социальному, экономическому, художественному. Само слово «органичный», если понимать его слишком буквально, в биологическом смысле, стало бы камнем преткновения. В том же смысле, в котором мы употребляем его здесь, оно означает концепцию живой структуры, то есть концепцию структуры, различные части и элементы которой так подобраны по форме и материалам, что образуют — если использованы со смыслом — гармоничное единство. Единство, понимаемое как совокупность частей, необходимых для создания сбалансированного целого. Вот что такое «органичность».

Как же тогда в общих чертах будут выглядеть здания Акрогорода?

Ну что ж, давайте сперва посмотрим на жильё бедняков.

То огромное внимание, которое филантропы сегодня уделяют «жилищному вопросу», хоть и похвально, но способно лишь отсрочить — путем смягчения проблемы — день начала новой жизни для бедных слоев населения.

Жильё для работника

Бедняки (если не считать инвалидов всех типов) — это те, кто больше других пострадал от господства нетрудовых доходов, от ситуации, когда гигантские состояния скапливаются посредством сбора ренты.

Где же их место в городе, который возвела трехглавая рента?

Посмотрите, какое решение предлагают лучшие и самые новые проекты социального жилья по всему миру, и вы получите ответ на свой вопрос. Разумеется, в благоустроенных трущобах. Хуже того, нищета теперь воцарилась и в головах; стандартизация дошла до людских душ. Бедность превращают в «благопристойный» институт. Шеренги для этого института так же естественны, как и в любой армии.

Шеренги за шеренгами клетушек на полках этажей: строгие, упорядоченные, далекие от живой природы, словно гробы. Выглядит пристойно? Да, но это чертова смиренная рубашка: такая жизнь удобна, но не благословенна. Изобретательное командование армии бедных строит такое жилье, чтобы их подопечные оставались «благопристойно» бедными. Бедность как институт. Торжество конвейера.

В свободе есть определенное благородство, даже если «свой особый путь» и заведет кого-то в трясину вседозволенности. Но какое благородство может быть в клетушках бездушного, практичного воспроизводства нищеты духа, даже если в цветочном ящике у каждой каморки воткнуты бесплатные цветочки?

Почему бы не сделать землю более доступной для бедных? Ведь она и так принадлежит им по праву рождения, как воздух, чтобы дышать, дневной свет, чтобы видеть, и вода, чтобы пить. Я осведомлен о реакции высоколобых экономистов на любые предложения, связанные с решением земельного вопроса. Тем не менее Генри Джордж достаточно ясно обрисовал основные причины бедности в человеческом обществе*. Какое-

* Основной причиной бедности и неравенства Джордж считал земельную ренту; решение этой проблемы он видел в введении единого земельного налога, а в идеале — в тотальной национализации земли.

то органичное решение земельного вопроса не просто желательно, оно совершенно необходимо. Как можно надеяться взрастить великую архитектуру, когда любые усовершенствования оказываются придатком земли, в то время как на самом деле земля должна всего лишь обеспечивать место для усовершенствований? С точки зрения органичной экономической структуры все у нас поставлено с ног на голову, и вся наша архитектура обслуживает исключительно землевладельца.

Так давайте же с помощью определенных льгот и обобществления будущего прироста стоимости земли выделим каждому бедняку по акру или несколько акров, в зависимости от того, сколько он сможет обрабатывать. Какой дом он тогда построит? Где и как сможет заработать на его постройку?

Что ж, свободой передвижения бедняк уже пользуется — стоимость автобусного билета или подержанного «форда» ее более или менее обеспечивает. Освобожденный от необходимости выплачивать городу арендную плату как дань за само право работать, труженик машины возвращается вместе со своей семьей на принадлежащую ему от рождения землю (как от рождения есть у него воздух, чтобы дышать, и вода, чтобы пить) и принимается в меру своего умения работать на фабрику и на самого себя. И его семья, и фабрика теперь — на своей собственной земле. На владельца про-

изводства он работает в одном из фабричных модулей по соседству. Согласно новым стандартам планирования, десять миль — это по соседству.

Бедный человек — труженик машины — приобретает современный, удобный, стандартизированный санузел (туалетную комнату), который производят и доставляют одним модулем, как автомобиль или ванну, готовым к употреблению; остается только подсоединить его к септику или выгребной яме. Владелец устанавливает этот модуль на своем участке как базовый и добавляет к нему стандартизированный кухонный модуль, столь же дешевый и удобный. Через несколько месяцев на деньги, сэкономленные благодаря отсутствию арендной платы или заработанные на собственном земельном участке, он сможет приобрести и другие стандартизированные модули. При единой схеме сборки модули будут приспособлены для установки на плоском участке или на склоне холма; они будут спроектированы так, чтобы из них можно было составить хорошо сбалансированное целое. Эти разнообразные стандартизированные модули обойдутся работнику недорого в сравнении с теми деньгами, которые он зарабатывает на близлежащей фабрике, — точно так же, как благодаря массовому стандартизированному производству совсем недорого достается ему и его автомобиль. В зависимости от усер-

таться благодаря покупке все новых модулей, которые образуют группу, по сути спроектированную на основе экспертных исследований лучших мировых специалистов в области дизайна и производства. Такие группы могут быть очень разными, но все они будут гармонировать со своими задачами и потому не нанесут никакого ущерба ландшафту. При этом они будут настолько доступны по цене, что первые свои модули человек сможет приобрести за сумму, которую в условиях нынешнего городского рабства он тратит на арендную плату всего за три месяца.

Через год-два он уже будет владельцем современного, соответствующего последним достижениям науки дома, собранного в единое целое согласно одному из множества предлагаемых сценариев или вариантов планировки. На его владение будет приятно посмотреть: сад (какой уж он смог вырастить) и стандартные модули подсобных построек (в которых у него возникла нужда) будут его собственным неповторимым образом увязаны в единую композицию. Фруктовые деревья, деревья, дающие тень, ягодные кусты, овощи, цветы, горячая и холодная вода из-под крана, современный камин, плита для готовки и обогреватель — все тут. При разумной помощи в виде налоговых льгот человек получает собственный дом, доступный ему благодаря его усердию в машинном труде. И именно машины позволят создать для него такой, скажем, пятисотдолларовый дом,

так же как раньше — автомобиль, который сегодня стоит в его пятидесятидолларовом гараже. Электричество для освещения, отопления и энергоснабжения он тоже будет получать по низким ценам благодаря добровольной кооперации. Вообще, кооперация может самыми разными способами упростить его существование и расширить круг его жизненных возможностей.

С точки зрения практики в таком проекте нет ничего особенного. Подобные модули изготавливаются уже сегодня. Поразительно другое: несмотря на массовое производство отдельных элементов, такие сооружения смогут обладать соразмерностью, которая есть порядок, и упорядоченностью, которая есть красота. Законченное целое как отражение своего владельца вовсе не должно быть лишено индивидуальности. Дизайн и оборудование он выберет по собственному вкусу, в то время как раньше он мог выбирать только из набора убогих сентиментальностей — или же соглашался на прозябание в «институте» социального жилья.

Где же теперь ваш «бедняк»? Он больше не бедняк, поскольку его душа возрождается, чтобы снова принадлежать только ему. Это происходит благодаря открывшимся перед ним путям естественной и свободной реализации собственных возможностей и возможностей различных машин. А по соседству, примерно в квартале от первого, на собственном участке живет другой бывший

«бедняк», который благодаря новому качеству проектного и технического мышления может выбрать — согласно своим нуждам и желаниям — другую планировку и другую композицию модулей. Для него поют птицы и зеленеет трава, а дождь поливает его растущий сад, пока колеса стандартизации и прогресса крутятся не против, но ради него — и именно там, где он живет. Поскольку в таких условиях его преданная любовь к технике означает для него рост возможностей и качества жизни, то и для всех его близких жизнь меняется к лучшему благодаря машинам.

Его дети будут расти, непосредственно соприкасаясь со всей той свежестью земли, которая теперь доступна только детям «богачей». И при этом по праву рождения, а не по милости некоего «заботящегося о нуждах общества» землевладельца — словно золотые рыбки в круглом аквариуме с камушками и водорослями.

Бедняк укоренен на земле рядом со своими братьями, чтобы расти и развиваться, как только можно расти и развиваться на собственной земле. Он наделен индивидуальностью. Он — тоже аристократ, но в подлинно демократическом значении этого слова.

Теперь пусть он (с полного согласия работодателя) выращивает в помощь семье что-нибудь (сколько сможет) в собственном саду; позвольте ему интегрировать его

продукцию, что бы он ни выращивал, в общую систему местных рынков, работающих у больших автострад, вероятнее всего, при сервисных и заправочных станциях. Урожай каждой семьи забирают ежедневно — примерно так, как это планируется для рынков Уолтера В. Дэвидсона*. Таким образом, семья ежедневно получает наличными половину розничной стоимости того, что они вырастили на участке в свободное от работы время, а любой житель нового города получает доступ к неизменно свежим продуктам. Эта система сможет дополнить более крупное, стандартизированное фермерское производство, не просто предлагая потребителю большее разнообразие продуктов, но и представляя дополнительный заработок хозяйствам фабричных рабочих.

Где же теперь ваши городские трущобы?

Интеграция — в виде районных школ, учреждений досуга, больниц, пенсионного обеспечения для пожилых — разрешает все те тревоги, которые снесли рабов машинного производства на заре нашей эпохи. Совсем скоро общество получит наделенных индивидуальностью граждан, а не оболваненных стадным инстинктом идиотов. Вместо еще одного сорняка, пускающего ростки в муниципальном бараке или грязных трущобах, мы обретаем ценный человеческий материал.

* Заказчик Райта, для которого он построил жилой дом и разработал проект большого продуктового рынка.

При этом он не становится менее человеческим оттого, что работает с машинами, — наоборот.

Как же будет выглядеть его дом?

Работник на своей земле

Что ж, в первом приближении можно сказать, что он будет выглядеть как дом для жизни — так же как его автомобиль выглядит как средство передвижения. Они будут неплохо смотреться рядом, хотя вам это, возможно, трудно себе представить. Мне это представить легко, а скоро будет легко и вам, и кому угодно другому, пусть даже сейчас автомобиль и дом выглядят вместе совершенно нелепо — несовместимо в любой ситуации.

Различные модули жилого дома будут производиться из металлических листов или из композитных плит или, возможно, из того и другого. Всем поверхностям будут приданы цвет и фактура по выбору хозяина, в точности так, как по его желанию был отделан его автомобиль; однако «неудачный» цвет или неуместную фактуру никто выбирать не станет. По желанию — лишь бы не ослабить конструкцию — в модуле можно использовать большое количество стекла, защищенного сверху тонким металлическим козырьком. В одной схеме модули будут прямоугольными, в другой — шестиугольными, а в третьей — круглыми. В прочих схемах из этих

форм можно будет составлять бесконечное число вариаций. Довольно скоро работник сможет выстроить свои модули вокруг внутреннего двора, изобилующего зеленью и цветами. Возможно, здесь же он устроит и бассейн. Его хозяйство будет расти вместе с ним самим; он будет зарабатывать на него по мере развития своих умений и навыков.

Крышу он, возможно, сделает плоской и устроит на ней сад под навесом. Или же он предпочтет скатную крышу, отведя для экономии место под сад рядом с домом. Обстановка дома будет теперь частью архитектуры, и изнутри дом будет выглядеть не менее привлекательно, чем снаружи, поскольку мебель работник получит так же, как и дом, — от лучших в мире дизайнеров, которые в совершенстве понимают не только нужды потребителя, но и возможности производства. Предлагаемый спектр вариантов будет достаточно широк, чтобы любой смог выбрать что-нибудь подходящее именно для себя.

Отныне человек будет трудиться на земле, которую у него нельзя отнять, поскольку она не взята им в долг, то есть принадлежит ему не по ипотечному займу, а благодаря произведенным им на ней усовершенствованиям. Не должно быть никакого иного землевладельца, кроме общества. Каждая ячейка общества будет совершенно независимо и в меру своих возможностей развиваться на собственном земельном участ-

ке. Дом будет принадлежать человеку, а не тому безликому рядовому армии «бедных», которым помыкают направо и налево. «Бедняк» — больше не живой упрек удачливому владельцу сколоченного на ренте состояния, на которого приходится тратить немного прибыли от аренды, чтобы он выглядел «поприличней».

Нет, в Американии теперь может появиться настоящий человек, живущий в условиях достойной человека свободы. Сам по себе и вместе со своими близкими. Как живут храбрейшие и как живут лучшие.

Описание это, разумеется, весьма приблизительно; здесь перечислены отнюдь не все фундаментально важные элементы. Однако это набросок вполне осуществимого «жилья для работника» в Акрогороде, единственно возможном городе будущего.

Пахарь и животновод

Как будет устроено хозяйство фермера — полноправного жителя пригородов нового города?

Сегодня он страдает от самой непосильной формы ренты, и любые усовершенствования, которые он только может затеять, грозят добавить тяжести к этому бременю. Если он не может оплатить своим трудом проценты по займам, стоимость своих собственных усовершенствований, аренд-

ную плату землевладельцу или налоги государству, то прощай все вложенные им силы и средства. Но, по крайней мере до тех пор, пока он твердо стоит на земле и в состоянии на ней работать, он и его домочадцы могут не бояться голода.

Однако сельское хозяйство — это глубокая провинция экономики, практически приграничная территория отчаяния. Фермер включен в существующую схему извлечения прибыли лишь как источник этой прибыли. Возьмем фермера из наиболее густо населенных районов страны, где он пытается соревноваться с индустрией механизированного выращивания зерна и скота на почти бескрайних и практически бесплатных территориях Великих равнин на западе Соединенных Штатов. Сеять зерно ему не имеет смысла. В разведении коров и овец он тоже не может соревноваться с не нуждающимися в усовершенствованиях пастбищами гигантских ранчо на западе страны, облагаемых налогом пятьдесят центов с акра (если вообще облагаемых), в то время как стоимость его «нововведений» ложится мертвым грузом на его земли, облагаемые налогом пятьдесят долларов или даже больше с акра.

Современные достижения гигиены, а также радио и автомобиль уже немного приблизили фермера к той роскоши, в которой живут его сыновья и дочери — добровольные дезертиры в теснящую его армию белых воротничков. Но на ферме он все чаще один,

а после всех земных трудов, несмотря на всю свою энергию и бережливость, он нередко оказывается узником рабочего дома для бедняков (или — для более зажиточных, если он был чуть побогаче).

Его земля почти никогда не принадлежит ему, разве что по чистой случайности восторжествует справедливость. Фермеры Востока, Среднего Запада или Юга не могут выйти победителями из этой гонки за прибылью, поскольку игра идет с высочайшими ставками и по трем мошенническим правилам. Игральные кости подпилены не в пользу фермеров благодаря тем самым обстоятельствам, в которые они были поставлены, чтобы «искать» свой особый путь.

Любопытно — или печально (в зависимости от вашей точки зрения) — наблюдать за пустыми политическими жестами, с помощью которых мнимые спасители пытаются «решить фермерский вопрос».

Ни один государственный муж не возвысит свой голос, ни один осмысленный закон не будет принят, чтобы освободить фермера от пут неравенства. И нет тому, кажется, никакой другой причины, кроме стремления позволить армии белых воротничков безнаказанно ездить на его горбу. И в какой-то степени эта армия сидит у него на шее именно потому, что работа его глубоко естественна. Для них он всего лишь природный ресурс.

Его труды на земле идут на пользу различным опосредованным — действующим по на-

жатию кнопки и по рывку рычага — силам в больших городах. Однако труды эти мало улучшают его собственную участь. Паразиты на то и паразиты, чтобы изничтожать плоды чужих трудов, жить за счет всего подлинного, но самим никогда ничего подлинного не производить. Так что достойная — и подлинная — жизнь землепашца оказывается в страшной опасности.

Города — гигантские рты. Фермер — это, по сути, пища для человечества. Кормить города — вот его работа, и заодно поставлять исходное сырье для пошива одежды.

Без фермеров города голодали бы и ходили нагишом. Акрогород же приходит к фермеру не только за пищей, но и чтобы включить его в общую систему, чтобы разделить с ним ту роскошь, в которой (именно из-за природы его труда) город отказывал ему до сих пор. Его новое хозяйство будет самым важным, а возможно, и самым привлекательным элементом в структуре города будущего.

Кормить массы — естественное для фермера дело, и очевидно, что интенсивное производство как можно более широкого ассортимента продукции, а также прямая доставка этой продукции потребителю даст ему преимущество перед крупными зерно- и мясопроизводящими районами, которые с ним конкурируют. Производство молочных продуктов, редких сортов мяса и птицы, яиц, выращивание фруктов, механизированное са-

нейшее качество, хотя консервы постепенно и становятся главным источником энергии для нашей цивилизации, по мере того как сама жизнь в каком-то смысле становится консервированной.

Мелкому фермеру, который придет на смену фермеру крупному благодаря интенсивным методам земледелия, понадобятся только теплицы и менее одной десятой той территории, которую он пытается возделывать сейчас. Ему нужно будет хозяйство, делающее его сосуществование с животными — за которыми он ухаживает и которых он разводит и откармливает прежде всего для миллионов горожан с их усвоенными от других, а значит, искусственными вкусами (в сравнении с его собственными нехитрыми вкусами), — более достойным, более приемлемым.

Фермер, как и все остальные и даже больше других, нуждается в органичной архитектуре, которая положила бы конец бессмысленному снованию взад-вперед между грубо сработанными, плохо приспособленными для его нужд постройками, которыми он привык пользоваться на сегодняшний день. Органичная архитектура превратит все это в компактный, практичный, хорошо сбалансированный модуль, спроектированный специально под его потребности с глубоким уважением к его сложившемуся образу жизни. Мелкий фермер должен получить гарантии жизненного комфорта. В каком-то смыс-

ле ему нужно будет даже меньше, чем раньше, когда он был «крупным». Ему больше не понадобится сенокосилка, из-за которой амбар приходилось делать таким большим. Вместо сараев для техники ему пригодятся инструменты и мастерская. Не нужны будут и заборы, за исключением тех, что являются составными частями строений фермы.

Он будет тратить куда меньше сил, поскольку при соблюдении всех требований современной гигиены сможет содержать животных в нескольких шагах от дома, а машину парковать у самой входной двери. Его урожай будет выставлен на продажу и продан еще до того, как он его соберет, благодаря программе вроде той, что Уолтер В. Дэвидсон предлагает сегодня для более крупных хозяйств в своем проекте фермерских рынков. Этот вариант интеграции малых модулей в большие относится к тому типу экономики, который неизбежно придет на смену сегодняшней перезрелой централизации.

Подобное многосоставное фермерское хозяйство будет скомпоновано из следующих модулей: гараж, жилые помещения, теплица, упаковочно-распределительный цех, хранилище для зерна, конюшня и сарай для различных видов животных. Это будет практичная архитектура, которую благодаря стандартизации производства можно будет поставлять мелким фермерам по низким ценам. Опять же, это будет архитектура для

человека, созданная усилиями лучших мировых умов, стремящихся упростить и облагородить жизнь фермера, сделав ее эффективной на его собственных условиях.

Такие многосоставные фермы не будут одинаковыми. Разных конфигураций, построенных из различных материалов, будет столько, сколько существует фермеров с какими-то специфическими задачами.

Эта модернизация основ фермерства есть важнейший и необходимый этап «решения фермерского вопроса».

Хорошо продуманная фермерская рутина — в модулях из трех-, пяти- или десяти-акровых ферм, продукция которых выкуплена заранее и ежечасно напрямую представляется в самом свежем виде на местные придорожные рынки, — радикальным образом улучшит положение фермера. Крупный придорожный рынок — еще один элемент сельской интеграции — будет в числе важнейших сооружений, обслуживающих автостреды в Акрогороде.

Один-единственный трактор, принадлежащий местному фермерскому сообществу, сможет вспахать и взрыхлить землю всех окрестных хозяйств. Местные общественные центры будут не только обеспечивать кооперацию в области определенных работ и услуг, блюдя интересы больных и здоровых, но и организовывать общий досуг.

Опять же, это всего лишь провоцирующий на размышления набросок — эскиз — «ре-

шения фермерского вопроса», а также «решения» вопроса множества белых воротничков, которые остаются дееспособными мужчинами и женщинами, но несчастны в роли городских паразитов. Именно они — за счет разделения крупных хозяйств на более мелкие, их последующей интеграции в единую систему и общего улучшения условий жизни земледельцев — обретут возможность достойно и независимо жить собственным трудом на собственной земле. Уже не как объекты ренты, но как хозяева самим себе.

В каждом Акрогороде будет достаточно места для тысяч таких интегрированных в общую систему, но тем не менее независимых сельскохозяйственных модулей.

Децентрализация и интеграция фабрик

Фабрикам тоже предстоит переезд в сельскую местность, а их работникам — превращение в мелких садоводов, как это описано в главе «Жилье для работника». Американские фабрики уже сегодня так хорошо выстроены и организованы, так эффективно управляются, что им не требуется настолько серьезный пересмотр, как почти всем другим структурам нашего общества. Хотя продукция фабрики отчаянно нуждается в органичном дизайне, самой фабрике нужна только свободная или почти бесплатная зем-

ля для работников. Крупные фабрики следует разделить на модули помельче, рассредоточив их по сельской местности согласно новым стандартам пространственного планирования. Эта идея реинтеграции, заключающаяся в превращении крупных фабрик в систему мелких, уже сейчас реализуется по всей стране. Вместо нагнетания все большей централизации, которая, как мы теперь видим, подавляет жизнь и противоречит самой цели собственного существования из-за абсурдных перемещений взад-вперед, фабрики первыми покончат с этой дорого обходящейся суетой. Если не считать их слишком большого размера — результата чрезмерной централизации, — фабрики есть высочайшее достижение Америки. Это достижение уже прямо сейчас можно поделить на более мелкие модули, чтобы потом интегрировать их в единую систему, которая станет украшением страны.

Офисы в новом городе

Финансовые, представительские, профессиональные, административные: все офисы теперь могут функционировать как модули той индустрии, которую они представляют, и должны располагаться поблизости от реального производства. Беспроводные, мгновенные средства связи делают это возвращение к истокам оправданным и практич-

Вдали от суеты

ным. Однажды начавшись, такое сближение между офисами и производством будет восприниматься как нечто совершенно логичное и эффективное с точки зрения экономии времени и энергии. Куда проще иметь офис на фабрике и выезжать оттуда в мир, чем постоянно возвращаться на фабрику из офиса или метаться туда-сюда.

Конторы общественной бюрократии — важные и помельче — должны группироваться вокруг отделений полиции и пожарных станций на определенных перекрестках дорог. Благодаря отсутствию на дорогах транспортных заторов как одного из источников беспорядка, количество таких центров можно будет уменьшить до одной десятой от нынешнего. Тут же будет находиться и окружной суд, а все функционеры будут заседать не в привычных сегодня расфуфыренных зданиях, а в подходящих им помещениях. Эти службы имеют исключительно утилитарное значение, и в условиях демократии их конторы не обязательно должны быть чем-то грандиозным, скорее наоборот.

Офис «профессионала» должен быть организован в соответствии со спецификой его работы на его собственном земельном участке — будь то приспособленный под его нужды магазин, студия, клиника, бюро или галерея: место для позерства, если это то, что ему требуется. Такой индивидуализированный модуль, пристроенный к жилому дому, обогатит архитектуру всего ансамбля

и сэкономит массу нервов и времени, которые теперь растрачиваются на шныряние взад-вперед. С учетом грядущего уровня развития транспорта такие офисы будут более доступными, чем при нынешней форме централизации, когда в попытках добраться к месту встречи через ад транспортных заторов и сам профессионал, и его клиент теряют время и самообладание. Человеку профессиональному нужно иметь больше времени для себя и собственного образования в более комфортных условиях. Все это станет возможным, если он станет тратить меньше энергии на дорогу туда и обратно.

Банк — это тоже офис, но как учреждение в некоторой степени общественное он должен располагаться вместе со зданиями бюрократических контор в одной из важных узловых точек города, будучи по самой своей природе интегрированным в различные мощные финансовые системы. Чтобы показать свою значимость или заполучить клиентов, банку больше не будет надобности притворяться храмом или местом отправления религиозного культа.

Банк — это машина. Холодная, расчетливая деловая структура. А еще — это сейф. Так что он вполне может походить на пишущую машинку или на несгораемый шкаф. Гигантомания в банковских зданиях (как и в устройстве запоров и сейфов) больше не будет соблазнять воров бессмысленным прославлением власти денег. Величествен-

ный храм нетрудовых доходов вполне может съежиться до размеров сейфа с честно накопленными сбережениями.

Магазин нового типа: торговля промышленными товарами

Интеграция торгового снабжения в городской контекст Акрогорода будет естественным образом происходить вдоль крупных артерий автомобилизации, поближе к транспортным потокам. Эта система будущего города возникает уже сегодня, хотя она никому не нравится и никто ее не принимает всерьез: но именно придорожные заправочные станции — это зародыши торговых центров будущего.

В заправочных станциях можно разглядеть начало важнейшего процесса децентрализации распределения, а также — зачатки Акрогорода.

Если заправочная станция удачно расположена, то этот неказистый и с виду незначительный элемент городской среды непременно начнет расти и со временем превратится в торговый комплекс, предлагающий самые разнообразные товары. В какой-то степени это уже происходит на юго-западе США. Каждый из этих небольших торговых комплексов впоследствии может быть заново интегрирован в общую систему, став частью торговой сети, охватывающей значительные терри-

тории. Это позволит снизить стоимость закупок и доставки, то есть сэкономить сверх того, что уже экономится благодаря стандартизации и массовому производству. Такие комплексы будут в меньших объемах распространять все то, чем сейчас в огромных масштабах торгуют универсальные магазины вроде Marshall Field's, Sears-Roebuck или Wanamaker's.

Здесь открываются интересные перспективы для архитектора: создать новый, наиболее функционально разнообразный базовый модуль Акрогорода. Рядом с придорожными станциями будут располагаться просторные автомобильные стоянки с различными вариантами автоматической парковки; манящие развлекательные заведения; кафешки, кафе, рестораны и удобные гостиницы для проезжих путешественников. Такие комплексы начнут конкурировать между собой, и вскоре каждый из них обретет свои отличительные особенности. С любой транспортной магистрали всегда можно будет свернуть на такую станцию, чтобы, непринужденно продвигаясь от прилавка к прилавку, приобрести все важное и нужное для дома. Поскольку не следует слишком резко лишать современную эпоху самого характерного для нее искусства — рекламы, — продавцы продолжают заманивать покупателей, соблазняя их эффектными витринами, как это делается сегодня в любом узкоспециализированном магазине

в центре города. Владельцы, продавцы и менеджеры будут жить поблизости от торговых комплексов — в радиусе не больше, скажем, двадцати пяти миль — в собственных загородных домах, а их дети будут ходить в школы Акророда. Они теперь тоже «поместное дворянство».

Все это лишь небольшие изменения к лучшему в той концепции, которую уже сейчас реализуют на практике. Но чтобы оставаться жизнеспособной, сама эта концепция, основанная на идеале реинтеграции децентрализованных элементов, должна приспособливаться к переменам точно так же, как приспособливается к ним фирма Marshall Field's, когда открывает свои магазины на далеких окраинах. Или компания Sears-Roebuck, когда занимается сетевыми магазинами в маленьких городках. А за ними — Woolworth's и иже с ним. Но уже после всех их нововведений нам предстоит новый шаг в децентрализации, а потом и интеграция, которая есть Демократия. Все это касается городов в глубине континента. Портовые города по самой своей природе окажутся центрами повышенной концентрации.

Современные изобретения и технические возможности, которые сегодня разрушительным образом действуют на городскую жизнь, не просто указывают нам путь, но и предъявляют достаточно убедительные для бизнеса аргументы, чтобы пойти именно этой дорогой.

Техническое обслуживание автомобилей и самолетов

Одной из новых составляющих придорожных станций станут, разумеется, ремонтные мастерские.

Возможно, некоторые заправочные станции станут «универсальными станциям», которые будут предлагать широкий ассортимент топлив и масел разных компаний по тому же принципу, по которому сегодняшние аптеки и универмаги предлагают различные марки одного и того же товара. Или они останутся отдельными, но связанными между собой заведениями, как это устроено и сейчас.

Для тех, кого нынешний город окончательно искалечил

Многоквартирные высотки шагнут за город. Это будет началом пути к выздоровлению... этакий госпиталь для законченных урбаноидов. Такой модуль Акророда может быть типологически похож на проект жилой башни в сквере церкви Святого Марка в нью-йоркском районе Бауэри*.

Скажем, тридцать шесть монолитных двухуровневых квартир, полностью отделанных, меблированных и готовых к проживанию, сгруппированы в башню по четы-

ре квартиры на одном этаже. Такие здания будут стоять в небольшом, акров на тридцать, парке с собственным подземным гаражом и детскими площадками. У каждой квартиры — свой садик, который станет элементом ландшафтного дизайна парка.

Такие жилые комплексы позволят многим горожанам переехать за город вместе с детьми, которые уже так привыкли к жизни в комфортных условиях городских квартир, что иначе не смогут или не захотят (что одно и то же) обосноваться в сельской местности.

Подобные вертикальные призмы из металла и стекла, вырастающие из зелени частных парков, будут вполне приемлемы как модули Акрогорода. Они обеспечат своим обитателям целый ряд преимуществ сельской жизни, а их жильцы станут владельцами собственных квартир посреди природы в рамках экономической логики нашего времени.

Отель, передвижной отель и дом кочевника

Отелей, разумеется, будет меньше, чем сейчас. Гостиницы, скорее всего, станут композициями из небольших коттеджей, составленных вокруг центрального модуля с общественными пространствами, — по примеру таких относительно удачно спроектированных гостиничных комплексов,

как Arizona Biltmore* или San Marcos in the Desert**. Такие отели будут строить в тех местах, где Природа демонстрирует нам свои «чудеса», с которыми хорошая архитектура может составить гармоничное целое и которые способствуют отдыху и восстановлению сил.

Но по-настоящему новым типом гостиницы станет отель на колесах: передвижной отель.

Просторные автомобили с местами для сна и кухней на борту будут развозить группы путешественников по всей стране. Они будут курсировать с севера на юг и с востока на запад. Их (с прицепами или грузовиками сопровождения) можно будет увидеть в самых живописных точках Великих равнин или на горных перевалах, где никакому другому гостиничному бизнесу просто не выжить.

Поскольку транспорт постоянно совершенствуется, нет никаких причин, чтобы такие мобильные отели не стали со временем безопасными, удобными и выгодными, — в Фениксе братья Макартур уже сейчас планируют нечто подобное в качестве одного из вариантов размещения в своем отеле Arizona Biltmore.

Если такая концепция применима для отеля, то наверняка можно построить и жи-

* Проект ученика Райта Альберта Макартура (1927).

146 ** Неосуществленный проект Райта (1928).

лой дом на колесах. Такое же передвижное жилье появится и на воде — благодаря развитию водного моторного транспорта.

Художники, искатели удовольствий, первопроходцы, современные цыгане смогут стать хозяевами идеально удобных домов на колесах или плавучих домов, которые благодаря высококачественному дизайну будут выглядеть так же элегантно, как самолеты или автомобили. И разумеется, лучше, чем большинство их современных моделей.

По воле жильцов эти моторизованные дома смогут переезжать с места на место, спускаясь с горных отрогов к морям, рекам или озерам, как некогда блуждал по пустыне на верблюде кочевник со своим шатром.

Холостяки

Таким образом, наступает новая эра организации быта, которая может сделать домашнее хозяйство приемлемым для многих из тех, для кого сегодняшний быт совершенно невыносим, и, таким образом, возможно, спасти множество жизней, погруженных сейчас в непотребстве из-за слишком большого однообразия укорененного существования.

***

Вот, кстати, предложение для этих непогод, доставшихся нам в наследство от исче-

зающего города: по мере появления потомства детей можно будет размещать в прицепах — там хватит места и для детской, и для любых других необходимых помещений.

Раз уж по автострадам вскоре так или иначе пойдут небольшие поезда, почему бы не превратить их в жилье для тех, кто сегодня не желает обзаводиться семьями?

Девизом такого начинания может стать... «Прокати детку».

Искусство проектирования прицепов и трейлеров уже сейчас достигло таких высот, что нам не составит никакого труда сделать передвижным любой элемент любого образа жизни.

Гуманная больница

Какими бы эффективными и гуманными ни были современные больницы, они слишком велики и смотрятся чересчур казенно. В Акрогороде вместо каждого из наших крупных больничных комплексов появится несколько залитых солнцем клиник, свободно разбросанных в просторном саду. Палаты будут по-домашнему уютны; больные или инвалиды там никогда не будут вынуждены лицезреть других больных или инвалидов, если только сами этого не захотят. Инфраструктура терапии, хирургии и прочих отраслей современной медицины будет занимать в больнице точно такое же место, как водопро-

вод, электрическое освещение и отопление в жилом доме, где все это составляет неотъемлемую часть здания, но вовсе не бросается в глаза.

Одним словом, на передний план должна выйти нормальность обстановки, а не атрибутика непривычного и пугающего. В нынешних госпиталях смерть выглядывает из-за каждого угла, непрерывно ухмыляясь несчастным пациентам. Почему бы не сделать дизайн больницы таким же гуманным, как и ее предназначение?

Университет: универсальность

Нынешние университеты представляют собой узкоспециализированные массовые производства специалистов по книжным дисциплинам. Как антенны для насекомого — это жизненно необходимый орган ознакомления с окружающей средой, так и современный университет должен стать антенной общества, которая сообщает ему все то, что улавливает.

Здесь, в тишине и покое прекрасных комплексов, идеально приспособленных для размышлений и концентрации, среди величественных и общедоступных собраний образцов или моделей всего того, что человечество создало в области науки, искусства и философии, будут проходить собрания высокоразвитых личностей.

Не будет нужды ни в профессорах, ни в огромных аудиториях. Лишь несколько отцов-исповедников со своими секретарями. Один будет избран учеными своего штата, другой — художниками, третий — философами. Если такого удастся отыскать, то к каждой подобной группе следует добавить по одному государственному мужу. Пусть лучшие выбирают лучших.

Все остальные — это привилегированные студенты, отобранные отцами-исповедниками и занятые исследованиями взаимосвязей различных проявлений общественного сознания. Занятие это не для новичков. Разумеется, принят будет только тот, кто уже доказал, что имеет глубокий человеческий опыт в одном из аспектов жизни.

Древние монашеские установления будут либерализованы, освобождены от всего лишнего и поставлены на службу социальному прогрессу в форме изучения вдохновляющих аспектов современной жизни — новых материалов, современных средств производства, связи теории с практикой. В этих университетах не будет места подготовке к преподаванию или к специфической практической деятельности. Но даже в Акрогороде такой отход от профессионального обучения будет, разумеется, происходить постепенно. Среди всех наших учреждений труднее всего будет разрушить ограничения священных храмов образования.

Общественный центр

Самой собой разумеется, что общественные центры появятся в каждом новом городе и все они будут ориентированы на автомобилистов. Их будут строить или рядом с важнейшими автострадами, или же в укромных сельских уголках с восхитительными видами и радующей сердце природой.

Поля для гольфа, гоночная трасса, зоопарк, океанариум и планетарий составят здесь вместе с ботаническим садом единый архитектурный ансамбль. Обычных клубов будет по-прежнему много, но общественный центр — это нечто совсем другое. Это огромный клуб для всех, но без тривиальной эlegantности. Кроме того, он станет также и образовательным и развлекательным центром. Здесь же будут располагаться художественная галерея и музей. Поскольку все его компоненты составят гармоничное целое друг с другом и с ландшафтом, каждый такой центр будет отражать уникальность своего окружения. Разбросанные по всем штатам общественные центры станут олицетворением и воплощением лучших идей, на которые только способна наша демократия. В них не будет никакой коммерческой суетности и банальности. Все виды массовых развлечений будут доступны на расположенной неподалеку станции обслуживания. Общественные же центры должны стать местами спокойной сосредоточенности, учебы и саморазвития в дружеской атмосфере.

Театр

Когда сила искусства возносит природу до высшего уровня, возникает новый вид зрелища — не просто подглядывание за актерами, но театр как переживание. Здание такого театра — это механическая машина, в своей сложности и пластичности соревнующаяся с кинематографом, святилище чувств и устремлений, бросающее вызов церквям прежнего города. В архитектуре подобных общественных учреждений будут использоваться местные материалы.

Фильмы, как и театральные представления, будут транслироваться с кинокамер прямо в жилые дома. И звук, и изображение. Однако в общественном центре появятся иные возможности для творчества, и обеспечивать их будут сами местные сообщества, а не заботящийся только об объемах продаж крупный бизнес.

Новая церковь

Поскольку религиозные чувства, скорее всего, станут более глубокими благодаря идеалу, строящему Акрогород, а фальшивая сентиментальность окажется для просвещенной демократии столь же нестерпима в религии, как и в искусстве или общественно-экономических вопросах, сохранившаяся церковь, вероятно, примет форму неких

внеконфессиональных обрядов. Это открывает возможность для создания подлинной архитектурной симфонии. Храм в новом городе будет храмом в том же смысле, в каком песня без слов — тоже песня. Церковь Акрогорода — это встреча с красотой на глубинах и высотах духа, индивидуальное, но от этого ничуть не менее глубокое или всеобъемлющее утешение для всех охваченных сомнениями, падших или изможденных. В такой церкви может снова снизойти абсолютная гармония, которая исцелит смертельную усталость. В наш более просвещенный век скептическое сознание нуждается в духовных передышках, и никаким богословием тут не поможешь. Как элемент Акрогорода лишенный исторического контекста собор будет выстроен человеческим духом во имя человеческого духа, чтобы на языке эры технического прогресса снова восславить органичный идеал органичной социальной жизни и новую веру в благородство и красоту, на которые способна сама человеческая природа.

Центр дизайна

Станки и машины, которыми в каждой важной отрасли управляет умелый ремесленник-интерпретатор, должны быть без промедления переданы в руки молодых архитекторов. С неохотой я вынужден при-

знать, что передача техники — этого новейшего инструмента великой цивилизации — в руки юных студентов так или иначе означает открытие нового типа школ. Само собой, такую школу станут называть художественной школой, однако в ней опытные интерпретаторы изящного искусства будут не просто хорошо знакомы с производством, которому они теперь будут пытаться содействовать, но окажутся в эпицентре индустриального улья типичных отраслей промышленности и послужат для молодых талантов примером и вдохновением в решении проблем дизайна для грядущего и жизненно необходимого массового производства.

Умные, неизбалованные студенты (таких еще можно сыскать на той фабрике непрофессионализма, в которую превращается Америка) должны получить доступ к индустрии в учреждениях, которые мы назовем центрами индустриального дизайна или стиля. Это будут оснащенные современной техникой и пользующиеся поддержкой самих производителей мастерские, где студенты будут жить, проводя большую часть дня за работой.

В тех областях, где для изготовления всяческих полезных вещей используются станки и машины, такие экспериментальные центры откроют заложенные в том или ином ремесле возможности для современного производителя, который понятия о них

не имеет и вряд ли сам до них додумается. В такой новой школе настанет черед изящных искусств послужить технике, чтобы техника лучше служила искусствам, а они вместе лучше служили любящим и ценящим красоту Соединенным Штатам.

Давайте предположим, что для начала будут выбраны семь типов индустриальных производств (некоторые отрасли нужно будет сгруппировать, поскольку их взаимовлияние обогащает каждую из них).

Скажем, это будет производство стекла, текстильное производство, гончарное дело, прокат листового металла, работа с деревом, художественное литье, печатное дело. Каждая из названных отраслей должна быть готова пожертвовать школе станки, предоставить для них опытного оператора и частично оплачивать обучение в своей области — при условии, что все они будут уверены в качественном управлении и руководстве образовательным процессом, а также в том, что получат в итоге свою долю плодов обучения либо в виде удачных проектов, либо в лице самих дизайнеров по своей специализации.

При разумном управлении такие экспериментальные центры будут значить для рационализации и развития наших производств куда больше, чем все прочие начинания, вместе взятые. Благодаря им американская промышленность станет независимой от влияния Франции, Германии, Австрии или любой другой индустриальной

державы, за исключением тех случаев, когда изучение зарубежного опыта позволит нам разработать собственные новые формы. Нет причин, по которым экспериментальные центры такого рода (максимум по сотне студентов в каждом) не смогут сами себя содержать, производя качественную продукцию, которая будет способствовать развитию стиля в промышленности. Благодаря истинным художникам, возглавляющим студенческие группы, каждый выпущенный тут предмет окажется произведением искусства (особенно в сравнении с продукцией менее передовых фабрик), а потому сам по себе будет повсюду выполнять просветительскую функцию.

Такая школа должна располагаться в сельской местности на достаточно большом участке земли, так что три часа сельскохозяйственных работ в день смогут обеспечить пропитанием студентов и группу из семи постоянных сотрудников-художников, которые будут руководить студенческими командами. Еще около семи часов будет вполне достаточно коллективу из сорока семи человек для ежедневного совместного труда на производстве.

Благодаря умелому руководству каждая такая рабочая команда очень скоро может стать серьезной производительной силой. Это значит, что каждый месяц школа будет выпускать замечательно полезные и полезно замечательные вещи, которые будут од-

новременно и пользоваться спросом, и просвещать: материи, ковры, скатерти, новые хлопковые ткани, стеклянную посуду, подставки для цветов, зажигалки, витражи, ожерелья, ширмы, стальные гири, крепления, ворота, ограды, каминные приборы, эмалированные металлические предметы для дома и сада, литую скульптуру для сада, строительные инструменты. Всевозможные объекты индустриального дизайна из алюминия, меди, свинца, жести. Практичные цветочные горшки, дизайнерские цветочные контейнеры большого размера, сосуды для воды, кувшины, керамическую скульптуру. Декоративную живопись, подходящую для репродуцирования, и эскизы для новых типов печати и техник воспроизведения. Современную музыку, пьесы, ритмы, проекты фермерских построек и вообще варианты решения новых, характерных для нашего времени задач: дизайн заправок станций, способы доставки продуктов, планировка городских и сельских коттеджей или идеи для их мебелировки. А также — проекты разных типов фабрик.

Центр дизайна будет сам себя рекламировать: выпускать брошюры с оригинальными иллюстрациями, посвященные различным видам своей деятельности. Одно из отделений займется ландшафтными исследованиями в области охраны природы и разведения растений, а другое — градостроительством. Одним словом, такой

центр будет средоточием творческого труда. Архитектура без всяких колебаний и сомнений обязана стать широким фундаментом всего предприятия, то есть снова получить в современном мире тот вес, что она имела в древности. Важно снова и снова повторять, что архитектура должна быть логическим обоснованием и структурным каркасом современной цивилизации.

В сравнении с университетами, предлагающими стандартные курсы по истории искусства, архитектуры и археологии, такие центры стиля или центры культуры будут удаленными от мира местами сосредоточенной работы. Где конкретно расположены эти центры, не так уж важно, лишь бы подалеже от цивилизации среди живописной сельской природы: добираться до них должно быть непросто.

Никаких тестов, выпускных экзаменов или дипломов. Как только студент-сотрудник выкажет особое мастерство в той или иной отрасли производства, он сможет претендовать на позицию преподавателя в одной из школ Акрогорода или на место дизайнера в своей отрасли. Производители, которые финансово поддерживают центр, будут иметь право первыми нанять такого студента или студентку. Каждому центру необходимо будет набрать такой состав вдохновляющих личностей и лидеров производства, чтобы студенты и других учебных заведений оказались воодушевлены той ра-

ботой, что ведется в стенах центра, и стремились к ней приобщиться. Это будет полезно и для них, и для центра.

Такие центры, посвященные практической культуре, будут фундаментально важны для органичного развития органичного Акрогорода.

Новая школа: учитель и его питомцы

В условиях органичной интеграции, которая бросает вызов централизации, естественным будет иметь в школе больше учителей и меньше учеников.

Масштабные фабрики знаний всегда сами обрекали себя на провал. Проезжая через городки и деревни, нельзя не заметить, как сильно они напоминают огромные заводы, которыми по сути и являются. Как мало в них воображения, как бесполезны их фальшивые плоды. Какие разнообразные застенки для ума предлагают их абстрактные науки! «Диванные» этика, философия, наука, искусство. Книгология — вот их наука и их ремесло.

Но в Акрогороде территория любой школы будет прежде всего парком в самом живописном уголке, предпочтительно у реки или водоема. Школа и в целом будет совсем небольшой, но ее пространство можно будет по мере надобности делить на более мелкие

части — снова и снова. Все строения тут будут одноэтажными, из стали и стекла, чтобы открыть молодую жизнь солнцу. В школьном модуле, разделенном на небольшие корпуса, сможет обучаться не более десятка детей. Школа на сорок детей будет считаться крупной. Гимнастический и актовый залы, макетная мастерская и художественная студия, кухня и столовая. Комплекс построек из композитных материалов и стекла или, возможно, металла будет организован вокруг закрытых и открытых дворов. Тут тоже можно применять стандартные элементы, однако куда большее значение будут иметь индивидуальные решения. Земли должно быть достаточно, чтобы у каждого ученика были свои цветочная и овощная грядки по соседству с просторными игровыми площадками. Работая с землей и на земле, каждый ученик будет изучать ее; его рука выучится рисовать то, что видит глаз, и так же хорошо строить модели увиденного. Визуально образованный — значит современно образованный. Именно поэтому любое школьное здание должно быть спроектировано художниками и архитекторами как произведение искусства.

Обучение рисованию поможет развитию всех прочих способностей, поскольку оно лучше, чем что-либо другое, увязывает воедино развивающиеся навыки.

Добиться гармоничной взаимосвязи всех способностей ребенка есть важнейшая цель нового образования. Глаз и рука; тело и то,

что мы называем разумом. Все эти гармонично взаимосвязанные между собой элементы должны быть естественным для ученика образом напрямую увязаны с плодами земли. Так он получит первые представления о ритме, который есть сама жизнь, и научиться его ценить.

В этих прекрасных садах и залитых солнцем школьных зданиях ребенок будет работать, готовить пищу и учиться ее есть. Рисую то, что он видит, он будет учиться видеть то, что есть на самом деле, постепенно понимая, как заставить две травинки расти там, где прежде росла лишь одна или вообще ничего не росло, — и в практическом плане, и в плане духовном. Мальчики и девочки станут здесь истинными провозвестниками духовно богатого, а значит — органически предрасположенного к творчеству человечества. В условиях коллективного индивидуализма возникновение личности окажется неизбежным. Один учитель на группу в среднем из десяти учеников — это совсем неплохо. При этом сами учителя будут достаточно развиты как личности, чтобы помогать развивать и совершенствовать детскую индивидуальность.

Опять же, это всего лишь беглый набросок того, как будет устроена небольшая школа в Акрогороде, но на каждое неорганичное школьное здание, что сегодня силится выжить на неприветливых улицах в условиях переспелой, побежденной централизации,

и на каждое новомодное школьное здание, скорее напоминающее своим устройством цирк, в Акрогороде будет приходиться с десятков таких органичных школ.

Новый дом в Акрогороде

Наконец, мы добрались до самого важного городского модуля, действительно центрального (и это единственная допустимая централизация) для всего города — до частного дома. Интеграция в этом случае происходит на добровольных началах, и степень ее зависит только от свободного выбора конкретного человека.

Роскошь может возникнуть тут для удовлетворения утонченной индивидуальности. Дом становится куда более достойным и духовно значимым пространством благодаря концепции свободного города демократии. Не для каждого хозяина дом — его крепость: это феодальные представления. Нет, дом человека — это его залитый солнцем берег; не меньше, чем раньше, — наоборот, более, чем когда-либо, — это убежище для крепнущего человеческого духа. У себя дома житель Акрогорода оказывается выразителем и выражением своего места в обществе и своих отношений с другими людьми — его товарищами. Он прививает им высокие идеалы и следуя им сам, и создавая условия для того, чтобы им следовали другие.

Люди теперь равны перед законом земли, как и было обещано в Декларации независимости, так что искусственно сконструированная экономическая система должна быть отменена или же исчезнуть сама собой. Коллективная жизнь обретает основу в здоровой экономике технического прогресса. Усовершенствования на собственном земельном участке теперь доступны для всех, кто стремится возделывать и улучшать свою землю. Экономически оправданное поведение заключается теперь для домовладельца в том, чтобы окружить себя наиболее адекватными выражениями своей личности, не неся из-за этого никаких убытков. У такого дома — целое море преимуществ, и домовладелец начинает их осознавать. Многие вещи, которые он раньше не понимал, становятся для него очевидными. Практические изменения в его образе жизни лишают смысла и почти все его образование, и большую часть его традиций. Так на что же ему опереться теперь, когда он готов шагнуть навстречу новой жизни на новой земле с той энергией, о которой он и не мечтал до тех самых пор, пока не начал мечтать?

Три слова

Пусть он хорошенько усвоит значение трех слов:

слова «демократия»,

слова «интеграция»,
слова «органичный».

Слова эти никогда не были толком объяснены и до сих пор не использовались как обозначение идеала — ни в нашей, ни в какой-либо другой культуре (по крайней мере, сознательно). Три этих пароля должны указать человеку верный путь. Когда он их поймет, все Старое само собой отпадет, и он окажется лицом к лицу с Новым.

Ему откроется новая суть той опосредованной власти, что сделала его и все его домостроительство бесплодным и духовно ущербным. Пойдя в новом направлении, он обнаружит новые силы, благодаря которым могущество техники перестанет быть опосредованным, но окажется дополнением его собственных возможностей. И с его помощью он построит новый дом в новом мире.

Современный дом

В этом современном доме все бытовые удобства, которые раньше было так сложно и дорого обустраивать, могут наконец быть объединены в единый для всех стандартизированный модуль. При удешевленном удобстве и экономичности все они теперь — к услугам жильца, способные на то, чего еще десять лет назад он и не помышлял требовать от домашней техники. Санузел, водопровод, канализацию и кухню в полном комплек-

те теперь доставляют ему на дом точно так же, как автомобиль. Благодаря новым материалам — стеклу и тонкому листовому металлу, — из которых построен его дом стандартизированных модулей, находясь внутри, он может любоваться далекими видами и ощущать себя гуляющим в окрестных полях и садах.

В этой новой концепции жизни в эру технического прогресса человек обретет свой идеал жилья. В его распоряжении будет свободное, залитое солнцем пространство — десять футов или тысяча там, где раньше и один фут был абсолютным пределом. Роскошь его жизни будет состоять прежде всего в этом чувстве свободы, как бы ни был прост его дом во всех других отношениях. Домостроитель будет реализовывать это чувство пространственной свободы в новом обустройстве собственного жилища. В расширившихся возможностях строить и обживать свое собственное пристанище — награда и спасение его жизни.

Новая единица измерения пространства (человек в своем автомобиле) играет важную роль повсюду, куда бы мы ни отправились, однако прежде всего она дает о себе знать там, где протекает наша домашняя жизнь. Глубина перспективы и широта теперь принадлежат человеку — не только в его философии, но и в том месте, которое он зовет своим домом. И дом этот принадлежит ему не по праву ипотеки или «кредитования»,

которое обычно ведет к перекредитованию, а потом и к «изъятию за неплатежи».

Его пробуждающееся воображение влекут возросшая легкость, пространственная открытость, решительная чистота линий. В особом качестве поверхности, в размахе плоскостей и в протяженности линий он может различить простоту цветка. Во всем его доме воцаряется ощущение свободного пространства для жизни и радости — в точности такое же, какое возникает в полях и лесах, на склонах холмов и в долинах. У себя дома человек — господин своей свободной и просторной внутренней жизни. Владение просторным, как природа, домом в высшей степени осмысленно. И в практическом, и в духовном плане — оно грандиозно само по себе.

Пусть все работает

При таком отношении к пространству роскошь в эру технического прогресса — это прежде всего подлинная свобода, которую вряд ли знавали греки или готы (или любые другие племена, кроме разве что кочевников). По динамике, простоте и качеству никакая архитектура не сравнится с тем, чем сегодня может стать американский жилой дом-модуль — единственный пример централизации в новом городе на просторах Америки.

Также характерным для эры технического прогресса будет расширение пространства за счет его экономичной организации. При такой организации вся обстановка будет проектироваться как часть архитектуры или идеально подходить под конкретное здание, а инфраструктура отопления и освещения будет скрыта от глаз, тем не менее эффективно работая для нужд всего дома.

Новая и органичная простота

Понимание жизни как органичной архитектуры и архитектуры как органичной жизни меняет все представления человека о мире. Охват его мысли становится шире, разум — сильнее. Новая свобода в собственном доме делает свободу вообще — свою и чужую — особенно ценной. Человек настаивает на ней как на принадлежащей ему по праву. Более того, по мере того как к нему приходит понимание значения слова «органичный», он начинает требовать глубокой осмысленности во всем, что его окружает. Его наконец-то раскрывшиеся глаза замечают те вещи и формы, которые он раньше принимал как нечто само собой разумеющееся. Если они кажутся ему фальшивыми, он их отвергает. Он приемлет или истинную форму, или никакой. И этот свой принцип он отстаивает в своих отношениях с другими людьми в условиях общественной жизни.

Общественная жизнь тоже должна естественно и прочно опираться на единый для всей человеческой жизни фундамент — общедоступность земли.

Политику человек теперь понимает как деятельность органическую. Узаконенные искусственные конструкты, которые распирают жизнь во имя чьих-то амбиций, больше не для него. Философия для него теперь тоже органична. Простота Лао-цзы и простота Христа открываются ему в новом свете, когда он видит их осязаемое воплощение в современных искусстве и религии. Внутренняя дисциплина чистого идеала, зовущего к более простой, но научно обоснованной и свободной в пространственном отношении жизни в условиях истинной свободы индивидуального выражения, становится для человека привычной и раздвигает пределы его сознания.

У него появляются возможности, о которых он не мог и мечтать.

Вскоре он сможет шествовать с гордо поднятой головой, преступая любые границы, — человек среди людей.

И когда он получит настоящую, а не опосредованную власть, он будет готов принять участие в общемировых процессах, окрыленный счастьем и энергией жизни в собственном доме на собственной земле. Гражданин Американии больше не будет все глубже вязнуть в бессилии, но в совершенстве овладеет навыком творчества.

Типичные примеры

Это беглое описание есть набросок некоего идеала. Понадобится помощь художников-иллюстраторов, чтобы продемонстрировать, как именно будут выглядеть такие дома, тем более что многие описанные здесь здания уже имеют определенную визуальную форму. Однако набросок идеала важнее, чем конкретный план любого дома... Стоит нам определиться с идеалом, возникнет и план.

В заключение

Эти наброски нарождающегося города — ведь на самом деле на месте исчезающего возникает новый — могут показаться терпеливому читателю (который так далеко прошел со мной по этому пути) еще одной утопией в ряду многих других, некогда популярных, но позже забытых. Я не пытаюсь ничего доказать. Меня интересует природа фундаментальных изменений, которые мы здесь обсудили и которым есть масса свидетельств. Во всяком случае, эти рассуждения основаны на опыте архитектора, пытавшегося создать органическую архитектуру для современных Соединенных Штатов.

Теперь я понимаю, что органическая архитектура — это жизнь, а жизнь — это органическая архитектура, иначе они не имеют смысла.

Я вижу, что принципы, работающие в архитектуре, работают и в жизни — или должны работать. Без сомнения, мы жертвуем эффективностью человечества, делая ставку на куда меньшую эффективность техники. Я считаю бессмысленным и дальше работать на машину или на землевладельца под предлогом создания какой-то великой архитектуры будущего, потому что достойная архитектура всегда означает достойную жизнь. Землевладелец — пережиток феодальных отношений. Он так же неорганичен, как и машина. Что же это за извращение — когда любые усовершенствования оказываются придатком земли, тогда как земля должна всего лишь обеспечивать место для усовершенствований? Или когда машина управляет человеком, тогда как человек должен управлять машиной?

Мы дошли до той точки, когда все, что касается человеческой жизни, делается без плана, кое-как или — в лучшем случае — по наитию. Происходит это прежде всего потому, что тот фундамент, на котором должны взаимодействовать жизнь как архитектура и архитектура как жизнь, недостаточно прочен и не обеспечивает свободы в истинном смысле. Свободны лишь редкие храбрцы. При нашем миропорядке свобода — это опасная авантюра.

Из моего собственного понимания органичной архитектуры, из анализа принципов этой архитектуры, которая работа-

ет как катализатор естественных изменений в жизни нашей страны, возникло приблизительное описание Акрогорода, который, в моем представлении, будет расти так, как ему и пристало, — снизу вверх. Этот город должен будет поставить на службу человеку те силы, что, действуя сверху вниз, запустили нынешний бурлящий водоворот.

Признаюсь, я всегда был не более чем терпим к реформаторству. Я ищу лишь подлинных форм. Такие формы не получить путем постепенного перестраивания старого здания или старого порядка. Новые формы, в которых так остро нуждается современность, могут произрасти лишь из самой земли, из самой природы нашей коллективной жизни. Как Природа всегда растит свои формы, так и человечество должно растить свои — из почвы, которая и есть природа.

При этом со всякими несчастьями, жестокостью, бедностью можно и нужно бороться. Честь и хвала тем, кто занимается подобными реформами.

Однако я уверен, что мы уже извлекли необходимые уроки из опыта центростремительного развития и теперь вполне готовы, вернувшись на исходную позицию, заняться радикально новым жизнестроительством, следуя законам естественных, а следовательно, благотворных изменений. Всеобщее уравнивание при подчеркивании человеческой индивидуальности — словом, то, что мы называем интеграцией, — и есть такое

изменение. Зачем же долее преграждать ему путь? «Владей и храни» — это прекрасный принцип, когда речь идет о том, что соответствует природе. Однако он может обернуться катастрофой, когда оказывается направлен против природы. Все, что я здесь описываю, вполне согласуется с законом органичных изменений, который, насколько я вижу, начинает действовать по всей нашей стране.

Важнейшие технические достижения, которые мы обсудили, должны служить не более чем строительными лесами для нашей цивилизации. Но мы, будто это само собой разумеется, принимали их — и крупные, и помельче — за цивилизацию как таковую. Поэтому силы технического прогресса обернулись силами разрушения. В рамках нашего плана они практически не были осознаны как силы созидания. А в нашей культуре, которая есть реализация этого плана, и вовсе не удаивались упоминания. Однако случайные выгоды, полученные от централизации в качестве аванса или прибавочной стоимости, не были растрчены совсем уж зря. Силы технического прогресса достигли более высокой эффективности за более короткое время, чем это было бы возможно при любых других обстоятельствах; все эти достижения должны быть теперь использованы в архитектуре нашей страны для решения экономических, социальных, нравственных и эстетических вопросов. Прошли

те времена, когда достижения, которые принесла с собой централизация, могли оправдывать огромную цену ее «эффективности».

***

Настала пора в более крупных масштабах поставить все эти достижения на службу человечеству, чтобы ослабить то центростремительное давление, в которое выродилась неумеренная централизация. Иначе наша цивилизация войдет в историю как самая кратковременная из всех, когда-либо претендовавших на существование. Эти новые материально-технические силы все радикальнее расходятся с человечеством; они с человечеством словно враги, стремящиеся друг друга уничтожить, в то время как, действуя сообща, они могли бы создать новые, истинные формы. Если же не создавать новых форм, то упадок и невзгоды будут только усугубляться.

Почему бы нам не осознать, что эти силы открыто вступают в борьбу со старыми формами (или с отсутствием всяких форм) во всех тех областях, где, как мы объяснили, начинаются процессы городской децентрализации? Осознать, что нам необходимо разбить огромные агломерации на составные части и поощрять индивидуальность, чтобы заново интегрировать — в большем масштабе и в условиях подлинной индивидуальной свободы, которая нам так нужна, — жизнь наших Соединенных Штатов.

Даже скептик может заметить, что под влиянием органической энергии этих новых возможностей наши большие города и так уже распадаются на части и становятся полицентричными; наши крупнейшие компании строят торговые центры на окраинах перегруженных городов; самые передовые из наших производителей признали, что в масштабном производстве больше нет нужды. Автобус и грузовик уже существенно сокращают все эти бессмысленные теперь перемещения туда-сюда по слишком многочисленным (и конкурирующим между собой) железным дорогам. Повсюду, а особенно на Среднем Западе, Юге, Западе и Юго-Западе, растут в размерах и значимости новые распределительные узлы (в числе важнейших из которых — придорожные заправочные станции), обслуживающие население, которое получило свободу передвижения. В прошлом году один только Манхэттен потерял несколько сотен тысяч жителей. То же самое происходит и во многих других городах. Плотность населения обречена на снижение.

Уже сейчас свобода передвижения так сильно повлияла на наши ценности, так глубоко изменила человеческую натуру и так неузнаваемо преобразила обстоятельства нашей жизни, что и в смысле плана, и в смысле стиля большая часть наших зданий и городов устаревает еще в момент постройки. Их время прошло. Эра технического прогресса обесценила все прежние установления, из

которых архитектура самих наших городов была, вероятно, важнейшим.

Время пришло

Значит, пришло время перестать мечтать о будущем и наконец взяться за строительство этого будущего здесь и сейчас. Пора работать с ним, а не пытаться бездумно противостоять ему ради какой-то сиюминутной экономии.

Высший смысл скоро станет здравым смыслом. Акрогород уже несет в себе высший смысл, и, чтобы стать реальностью, ему необходимы лишь архитектурные формы, которые лучше всего выразят этот смысл в повседневной жизни. Такие формы у нас уже есть — это органичная архитектура. Однако, чтобы они эффективно служили всему обществу, нам потребуются еще и органичная экономика, и органичное общественное устройство.

Эпоха американских первопроходцев еще не закончилась. Возможно, она не закончится никогда. Однако граница с неведомым проходит теперь в другом месте. Наши предки брали судьбу в свои руки и, полные решимости, отправлялись на своих крытых тканью фургонах расчищать для будущей жизни новые земли. Похоже, тем самым они проторили путь для решимости иного сорта, которая, опираясь на примитивный инди-

видуализм (то есть, по сути, на доведенные до абсурда завидные качества самих первопроходцев), могла привести только к доведенной до абсурда централизации. Сила воли и храбрость первых поселенцев были далекими предшественниками той системы контроля, которая на наших глазах возводит свои мертвые монументы — небоскребы — на кладбище, которым стал старый город. Небоскребы — это знак окончания целой эпохи.

Сегодня первопроходцам найдется работа на новых рубежах: там, где начинается децентрализация. На этот раз с препятствиями, трудностями и опасностями придется бороться посланцам более человеческой, потому что наконец-то органичной, культуры. Соблазн «успеха» должен померкнуть в сравнении с обещанной нам всем возможностью жить так, как живут лучшие и храбрейшие. Зачем и дальше принуждать людей существовать, следуя наиболее примитивным свойствам своей натуры? Разве это приносит им хоть какое-то удовлетворение? Почему не жить проще, слушаясь лучшей части собственной души, — и не просто выживать, но процветать? Есть на этой новой границе и иные «первопроходцы». Но разве питаться подачками из переполненных закромов, не задумываясь о тех многократных поборах, что наполнили их с лихвой, — это государственная мудрость? Тогда лудильщик — это самый умелый ремеслен-

ник, имитатор — лучший художник, а опосредованная власть — большее, на что мы способны в деле управления.

Теперь мы знаем, что политики — это отнюдь не государственные мужи. Государственный муж — архитектор органичного социального устройства. Реформы, которые предлагают и проводят сегодня наши правящие силы, — не более чем внесение мелких поправок в слишком сложные правила игры. Мы уже пробовали принимать какие-то временные решения. Но никто пока не предпринял попытки проанализировать новые обстоятельства вокруг того идеала, который мы когда-то провозгласили, но которому никогда не следовали. Результаты любого процесса — будь то жизнь или производство — могут меняться в зависимости от обстоятельств и требуют постоянного пересмотра. Неужели все напрасно и мы действительно утратили этот свой идеал, а потому не в состоянии распознать и принять органичные изменения?

***

Просвещенный ум (а вместе с ним и сердце) не сомневается в здравости и гуманности инстинктов человека, который свободен, но... В чем же, собственно, состоит равная для всех свобода в современном обществе?

Давайте поговорим об этом и об экономической подоплеке современной ситуации так же рационально и открыто, как мы

рассуждаем о научных материях — например, о биологии. И тогда важнейшая миссия, которой мы посвятили свои жизни, сможет быть исполнена более разумным способом, а новые силы, возвращенные нами, окажутся задействованы в нашем продвижении к нашему идеалу.

В чем смысл жизни при демократии — с развитой техникой в качестве важного фактора — в отличие от жизни при других типах общественного устройства? Что есть подлинно человеческая эффективность? А подлинно человеческая экономика?

Пусть лучшие и храбрейшие из нас ищут ответа. Хотя их ответ, вероятнее всего, и будет сформулирован по-иному, они найдут его в жизни, которая есть органичная архитектура, как я нашел его в органичной архитектуре, которая есть жизнь.

Эволюция

Все мы знаем, что основа нашей сегодняшней жизни неорганична, а значит, нездорова и опасна, точно так же, как наша архитектура, две пятых которой составляет неорганический мусор. Кроме того, нам следует знать, что неорганическая материя может время от времени расширяться, однако она не способна давать новую жизнь, поскольку в ней недостает упорядоченности, необходимой для органичного роста. Цен-

трализация, как центростремительная сила, не предлагает глубокого, основополагающего, всеохватного жизненного принципа. Вся ее эффективность слишком узка и поглощена собой: это закручивание внутрь себя, атрофия, инволюция, а не эволюция.

Раз наша экономическая система неорганична, неорганичным должно быть и наше общество, а искусство и религия — чуждыми творчеству. Наши политики нелепы, поскольку поддерживать статус-кво можно только при помощи силы. Наши богатства в основном фальшивы.

Мы докатились до фатальных преувеличений, используя бездумное опосредованное управление для зарабатывания денег (еще одной опосредованной силы), которое затягивает нас в пучину бессилия.

Давайте же предложим разумную интерпретацию нашего идеала — демократии, — а затем откровенно обсудим направление, в котором мы собираемся двигаться. И что потом?

Вооружившись нашими достижениями, давайте отправимся в путь в избранном нами направлении.

Фрэнк Ллойд Райт
Исчезающий город

Выпускающий редактор Татьяна Григорьева
Корректор Светлана Луконина
Верстка Алексей Тубольцев
Производство Агата Чачко

Strelka Press
Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»
119072, Москва,
Берсеневская набережная, дом 14, строение 5а
Телефон: +7 (495) 268 06 19
e-mail: more@strelka.com
www.strelka.com

Подписано в печать 10 октября 2016 года
Формат 84×108/32. Гарнитура Parmigiano
Объем 9,24 усл. печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная
Заказ № 161931. Тираж 3000 экземпляров

Отпечатано в типографии ООО «Август Борг»
107497, Москва, Амурская улица, дом 5, строение 2